

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ЗА СПИНОЙ – ДВЕРИ В АД

Она раскаялась в чужих грехах...

Анна Васильевна Данилова
За спиной – двери в ад
Серия «Crime & private»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8494124

За спиной – двери в ад: роман / Анна Данилова: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50655-2

Аннотация

Раньше Полина никогда не попадала в сомнительные ситуации! Но с тех пор как она пришла домой к своей работодательнице Маше и обнаружила ее мертвой, несчастья захлестнули Полину с головой. Сначала на нее пало подозрение в убийстве Маши, и девушке пришлось спешно скрыться в Греции, где жила ее сестра Ксюша. Но и там судьба не стала более благосклонна – на сестру напал неизвестный, явно перепутав ее с Полиной! Чтобы спастись от гнева Ксюшиного мужа, она снова была вынуждена бежать – на этот раз во Францию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	73
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Анна Данилова

За спиной – двери в ад

© Дубчак А. В., 2011

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

* * *

Глава 1

Москва, 2007 г.

– Маша... Вы слышите меня? Маша... Господи, сколько крови! Если вы меня слышите, ответьте, пожалуйста! Все, сейчас я соберусь и позвоню... Звоню... Если вы живы, дайте знать... Звоню...

* * *

Тот день не задался с самого утра. Стоило ей открыть глаза, как она, бросив взгляд на кровать сестры, стоящую напротив, увидела, что постель не разобрана, а аккуратно застелена. Значит, Ксюха снова не ночевала дома. И все то, о чем они договаривались, она снова оставила без внимания, предоставив событиям развиваться как попало. Кто-то позвонил ей, пригласил, оставил у себя на ночь. И снова за деньги. В последнее время она ничего не делает без денег, даже не встречается с мужчинами. Она красива, хорошо танцует, поет, играет на гитаре, и она знает себе цену. Говорит, что замуж не хочет и что в ее двадцать три рожать детей еще рано. Но на самом деле она вовсе не такая, какой хочет себя показать. Она домашняя, ласковая, любит детей и мечтает о хорошем муже. Просто старается не говорить об этом, ей так

проще живется.

Сегодня вечером заявится с покупками, завалит кухонный стол разными вкусностями, станет ластиться к Полине, обнимать ее, приговаривая: «Я же не виновата, что они сами деньги предлагают», затем приготовит ужин, разольет вино по бокалам и, сверкая огромными глазами, будет играть на гитаре, петь сочиненные ею же песни, все сплошь о любви...

Полина встала, застелила постель и отправилась в ванную. Снова мокрые полотенца, рассыпанная пудра на столике, скомканные салфетки, словно Ксюха торопилась, сильно опаздывала куда-то, хотя на самом деле она просто не замечает подобные вещи. Все раскидывает, проливает, опрокидывает, рассыпает, забывает, опаздывает... А начнешь ее ругать – не обижается, просто смотрит в глаза и улыбается, мол, да брось ты, все это такая мелочь... Она не понимает, что Полину это раздражает, и не помнит, что, когда они принимали решение снимать квартиру на двоих, Полина предупредила ее, что беспорядка не потерпит. Тогда, когда они приехали в Москву в поисках работы и новой жизни, они много о чем договаривались, строили планы. Но им как-то сразу повезло. Ксюха, двадцатилетняя неуч, нашла работу администратора в салоне красоты, Полина, профессиональная переводчица, устроилась в бюро переводов. Но бюро было расположено не в самом удачном месте – в глубине тихо-

го двора неподалеку от Лубянки, и работы было мало, да и платили не густо. Поэтому, когда в приватном разговоре одна из клиенток очень осторожно спросила ее о зарработке и, услышав, что он невелик, предложила Полине подработать в одном доме, где ей будут хорошо платить, помощницей по хозяйству («Вы не стесняйтесь, Полиночка, работа есть работа!»), она не раздумывая согласилась. Конечно, она была уверена, что это продлится недолго, до тех пор, пока она не подыщет себе более высокооплачиваемую работу, но все затянулось на целый год...

Однако знакомая не обманула, Полине действительно неплохо платили, пятьсот евро в месяц за то, что она прибирала квартиру два раза в неделю. Большая уютная квартира принадлежала молодой женщине, хозяйке туристического агентства. Ее звали Маша. Маша Арефьева. Высокая стройная брюнетка лет двадцати восьми. Белая кожа, синие глаза, красные губы, румяные высокие скулы. Любительница просторных вязаных свитеров, широких штанов, молодежных рюкзачков... Неразговорчивая, но с приятной улыбкой, доброжелательная, аккуратистка. Квартира практически всегда была чистой. Жила одна, но иногда Полина замечала в квартире следы присутствия мужчины, причем это были не зубная щетка или домашние мужские тапочки, не халат или туалетные принадлежности. Мужчина здесь не жил, и желания как-то привязать его к себе у Маши тоже не наблюдалось. Однако следы ужина на двоих, новые духи на туалетном сто-

лике, какие-то милые подарки, использованные презервативы в мусорном ведре – все это свидетельствовало о том, что у Маши был мужчина. Или бывали мужчины. Этого Полина точно не знала, поскольку не встречала ни одного из них. Ни разу.

Не переставая думать о Ксении, Полина собиралась на работу. В халате до полу и тюрбане из полотенца на мокрых волосах ходила по кухне, варила кофе, готовила себе яичницу. Ее так и подмывало позвонить сестре, разбудить, где бы она ни находилась, и в грубой форме сказать все, что она о ней думает. Это находясь рядом с ней, с глаза на глаз, трудно было выдержать ее тихий и покорный взгляд, задумчивую улыбку, по телефону же засыпать упреками легче, намного легче.

Но не позвонила. Подумала, что этим разговором, этими грубыми словами она испортит настроение в первую очередь себе.

А потому, махнув на сестру рукой, мол, живи как хочешь, Полина допила кофе, оделась – джинсы, тонкий свитер, легкие спортивные ботинки – и вышла из дома. Сорок минут в метро, потом еще десять минут быстрой ходьбы, и вот она уже входит в подъезд нужного дома, поднимается на лифте на девятый этаж... Полина подходит к двери, звонит. У нее есть свои ключи, Маша ей полностью доверяет, но они договорились, что если Маша дома, то Полина должна звонить. Что ж, это правильно. Маша не хочет, чтобы ее застали раз-

детой, в ванне, под душем, в постели... Или с мужчиной.

Полина позвонила два раза, выждала время и полезла в сумку за ключами. Но, вставив ключ в замочную скважину, поняла, что он не поворачивается. Что дверь открыта. Она с удивлением повернула медную ручку, дверь поддалась, открылась. И странное чувство охватило Полину. Где-то на темечке зашевелились волосы. Очень неприятное и странное ощущение.

– Маша, вы дома? Я пришла! – крикнула она и уверенно вошла в квартиру.

Внешне все выглядело как прежде. Просторный холл, ваза с подсушенными еще в прошлом году зеленовато-лиловыми гортензиями, оранжевый тонкий ковер, арка, ведущая в гостиную.

– Маша-а!! Вы где? Я пришла!

Она нашла ее в спальне. В сущности, картина произошедшего была налицо. В пижаме, едва поднявшись с постели, Маша, скорее всего, делала упражнения на пластиковом вертящемся круге, поскользнулась, потеряла равновесие и упала, отлетела в сторону, ударилась головой об острый угол кровати спинки и потеряла сознание.

Да, Полине показалось сначала, что она лежит без сознания, поэтому она долгое время окликала ее по имени, звала, пытаясь заставить вернуться в чувства. Но Маша лежала так нехорошо, в такой неестественной позе, и так много крови

натекло под кровать и впиталось в кремового цвета ковер, что можно было подумать, будто она мертва.

Подойти к ней, чтобы проверить, есть ли пульс, жива ли она, Полина не посмела. Испугалась.

– Маша... Вы слышите меня? Маша... Господи, сколько крови! Если вы меня слышите, ответьте, пожалуйста! Все, сейчас я соберусь и позвоню... Все... Звоню... Если вы живы, дайте знать... Звоню...

И она позвонила. Вызвала «Скорую помощь».

– Девушка, пожалуйста... Человек упал, ударился об угол кровати... Я не знаю, жива она или нет...

Назвала адрес. Представилась. Пока ждала «Скорую», все стояла над Машей и дрожала, не в силах справиться с волнением.

Шли минуты, она вдруг вспомнила, что дверь почему-то была открыта. Маша, она не стала бы оставлять дверь открытой. Разве что выходила куда-то. Но куда? К соседке? Она ничего не знала о соседях. Мусор? Может. Она решила выбросить мусор? Но зачем, если она ждала прихода Полины? Значит, не мусор.

Мысль о грабителе пришла ниоткуда. Чтобы проверить эту нехорошую версию, Полина подошла к туалетному столику, где Маша хранила какие-то небольшие деньги на хозяйство. «Вот, Полина, если вам понадобятся какие-то средства, порошки, щетки, берите, не стесняйтесь, оставляйте мне чеки...»

Полина открыла ящик столика. Три тысячи рублей с мелочью лежали в шкатулке рядом со стопкой чистых носовых платков. Значит, не грабитель. Значит, Маша сама открыла дверь... Может, приходил кто-то и забыл закрыть за собой? Мужчина? Любовник, которого она не проводила до двери, спала?

Врач «Скорой помощи», худенькая девушка в бирюзовом костюме, констатировала смерть.

– Надо вызвать милицию, – сказала она, не оглядываясь на Полину. – Вызывайте!

– Она давно умерла?

– Нет... примерно час тому назад.

Полина набрала «02».

Глава 2

Марокко, 2010 г.

Бертрана я нашла не сразу. Тот дом, который прежде я видела лишь на экране монитора во время онлайн-бесед с моим другом и куда привез меня таксист, оказался пустым. Белый дом с двумя большими террасами, одна из которых выходила на океан, а другая – в сад.

Он точно знал о моем приезде, мы созванивались с ним, когда я шла на посадку в аэропорту Орли, но вот уже здесь, в Марокко, мне с ним связаться не удалось – батарейка в моем телефоне разрядилась. Таксист спросил меня на хорошем французском, желаю ли я чего-нибудь, в том смысле, наверное, не отвезти ли меня еще куда-нибудь, на что я лишь пожала плечами. Я совершенно не знала, что мне делать и как себя вести. Мы были знакомы с Бертраном шапочно, и, если бы не обстоятельства, которые заставили меня приехать в Марокко, мы так и продолжали бы общаться лишь по Интернету, посылая друг другу воздушные поцелуи.

– Я слышал, его друг сильно пострадал, – голос таксиста, человека средних лет в белой тонкой рубашке, джинсах и в голубой феске, вывел меня из задумчивости.

– Что? Что вы сказали?

– У Бертрана есть друг, его зовут Фахд, он мотоциклист... Два часа тому назад он разбился на мотоцикле... Думаю,

Бертран сейчас там.

– Откуда вы знаете Бертрана? Вы что, знаете всех в Касабланке?

– Нет, но я хорошо знаю этот район. Бертран – мой друг, он хороший человек, и это он попросил меня встретить вас.

Я смотрела на него, не зная, верить его словам или нет.

– Вы знаете, где находится дом этого...

– Его друга зовут Фахд, – терпеливо повторил таксист. У него была сухая темная кожа и спокойные карие глаза.

– Вы можете отвезти меня туда?

– Бертран сказал, чтобы вы ждали его здесь, чтобы отдохнуть. Там, где он сейчас находится, вам не понравится. Это бедный квартал.

Вот теперь я поняла, что он говорит правду. Если бы он захотел меня куда-нибудь отвезти, то постарался сразу же уговорить меня вернуться в машину.

– Поехали, я вам хорошо заплачу, если только вы отвезете меня именно к Бертрану.

Он кивнул и распахнул дверцу машины.

Мы сели и покатали по улицам совершенно незнакомо-го мне города. Когда ехали из аэропорта сюда, на побережье, я не переставала удивляться разнообразию архитектурных стилей. Касабланка. Здесь было все: и бетонные, сверкающие на солнце здания в арабском декоре в деловой части города, и роскошные частные виллы за высокими каменными заборами, окруженные зелеными садами, в центре города,

и старые, словно потертые временем европейские особняки – наследие колониальных времен, расположенные ближе к океану. Спускаясь же по широкой и безлюдной улице к дому Бертрана, мы проехали несколько бедных кварталов, застроенных прилепившимися друг к другу картонными домиками, напоминавшими цыганские трущобы.

– Это там? – Я махнула рукой туда, откуда мы приехали. Таксист молча кивнул.

Мы развернулись и поехали обратно. Примерно полчаса мы катили по пустынной, темно-оранжевой в этот сумеречный час дороге, пока впереди не показалась россыпь коричневых, обмазанных глиной или обшитых ржавыми листами домишек, в некоторых местах сильно покосившихся. Яркими цветными пятнами выделялось сушившееся на веревках белье, одежда мальчишек и женщин, тонкие узорчатые ковры, заменявшие в некоторых местах стены, да прилавки торговцев с разложенными на них овощами и фруктами.

Машина остановилась.

– Дальше мы не проедем, надо идти.

Я вышла из машины и последовала за своим гидом в самую гущу построек. Мы шли по узким улочкам, и я спрашивала себя, что будет, если этот таксист меня все-таки обманул и теперь ведет меня, как овцу на заклание, на растерзание этим непонятным, живущим в таких ужасных условиях арабам?

– Меня зовут Юсеф, – представился мне таксист, словно таким образом желая меня как-то приободрить, мол, теперь мы знакомы и ничего не бойся.

Я не понимала, как можно нормальному человеку не запутаться в этих многочисленных поворотах, своеобразных темных аппендиксах нашего маршрута. Иногда казалось, что дома сужаются, и тогда проходы между ними становились совсем тесными, и вот в таких вот проходах непременно обнаруживался прикрытый какой-нибудь ветхой тряпкой мотоцикл или мопед. Некоторые дома стояли здесь настолько давно, что успели густо порастить диким виноградом. Удивляла открытость жизни, представившаяся моему взгляду. Иногда вместо части дома можно было увидеть деревянную нишу, в которой, уютно устроившись на циновке, лежал укутанный в шерстяной халат с капюшоном мужчина с темными пятками и совершенно счастливым улыбающимся лицом. Удивительные цветники я увидела там – прямоугольники из сбитых досок оберегали от мальчишек зеленые кактусы, и рядом с таким цветником можно было увидеть отдыхающего на свежем воздухе араба со стаканчиком чая или кофе в руке. В некоторых закутках встречались и куры с петухами, гуси, внешне ничем не отличавшиеся от птиц, которых держала в своем хозяйстве моя бабушка в русской деревне. Разве что арабские выглядели менее упитанными.

Наконец мы остановились перед входом в жилище. Поми-

мо нас, здесь находилось еще трое мужчин. Они сидели на белых пластиковых стульях и молча пили темную жидкость из маленьких чашек.

Юсеф спросил у них что-то на арабском, и ему ответили буквально парой слов. И сразу после этого стало как-то совсем уж тихо.

– Фахд... Его больше нет с нами, – повернувшись ко мне, произнес Юсеф. Затем он произнес еще фразу, и я услышала имя моего друга.

– Бертран тут, но вы пока не можете туда войти. Я позову его сейчас.

Юсеф приоткрыл тяжелое покрывало, служившее дверью, и скрылся за ним. Вышел буквально через несколько секунд, но не один.

– Полина! – Бертран, вынырнув из другого мира, полного скорби, еще не мог улыбаться. Даже по поводу моего приезда. И обнять меня пока он тоже не мог, я знала об этом из наших с ним разговоров. – Я рад, что ты приехала. Извини, что я тебя не встретил... Мой друг...

– Я все знаю, мне уже сказали.

– Пойдем.

Я поблагодарила Юсефа, хотела было заплатить ему, но Бертран сделал мне знак рукой, что, мол, все в порядке, и я поняла, что вся работа таксиста была им предварительно оплачена. После чего я последовала за Бертраном. Он вывел меня на другую улицу, и мы снова углубились в лабиринт

темнеющих проходов и тупиков, которым, казалось, не будет конца...

Я шла за ним, глядя на его спину, обтянутую белой тонкой рубашкой, почти такой же, какая была на Юсефе, и чувствовала, как сильно бьется мое сердце.

Бертран Мишу. Ему было двадцать девять лет. Он был молод, красив и загадочен, как и все то, что окружало меня тогда. Это незнакомое мне государство, куда я ринулась, спасаясь от тюрьмы, ото всего, что меня поджидало в другой стране – благословенной Франции, где я так надеялась пустить корни и остаться там навсегда, – казалось мне страной сновидений. Настолько тут все было непривычно. И даже тишина, прерываемая редким детским смехом или звоном велосипедов, казалась какой-то особенно плотной, неестественной.

Наконец мы выбрались на небольшую бетонную площадку. Там стояла машина Бертрана. Я поняла это, когда он достал ключи и вырубил сигнализацию.

– Садись. Я еще раз извиняюсь, что не смог встретить тебя. Я звонил тебе. Но твой телефон не отвечал.

– Да я сама во всем виновата, у меня села батарейка... Ты же знаешь, как я улетала, мне было не до батарейки... Вернее, мне и в голову тогда не пришло покупать зарядное устройство... Я приехала налегке. И денег наличных у меня не так много. Все то, что мне удалось накопить, осталось в

банке и на картах. Но и их тоже могут заблокировать, если они действительно думают, что это сделала я... Бертран, как же я рада, что вижу тебя! – вырвалось у меня, и я бросилась к нему, зная, что нас сейчас, в этих густых сумерках, уж точно никто не увидит, и обняла его.

Мы не были любовниками, мы были просто друзьями по переписке. Но не случайными, как это бывает, когда люди ищут себе партнеров или друзей. Нет, мы познакомились с ним реально еще в Москве, и это было очень давно. Очень. В другой жизни. Удивительно, что это знакомство продолжилось и мы успели даже привыкнуть друг к другу. Люди, которые дружат с Интернетом, поймут меня.

Мощные фары высветили пустырь, их яркий свет мазнул по обломкам каких-то строений, машина резко повернула и покатила по гладкой и узкой дороге уже вдоль темнеющих трощоб.

Глава 3

Москва, 2007 г.

– Как давно вы были знакомы с Марией Арефьевой?

– Чуть больше года.

– При каких обстоятельствах познакомились?

– Мне порекомендовала ее одна моя знакомая, которая обращалась в бюро переводов, где я работала.

– Кем вы работали в бюро переводов?

– Переводчицей с французского. Я и сейчас там работаю.

– В каком смысле вам ее порекомендовали?

– В бюро переводов мне мало платили, я решила, что ничего дурного в том, что я подработаю, нет.

– Вы работали у Арефьевой домработницей? Или уборщицей?

– Не знаю, как правильно сказать.

– Что входило в ваши обязанности?

– А это так важно?

– Если я спрашиваю, значит, важно. Итак?

– Я убиралась у нее, гладила белье и иногда, когда меня просили, готовила. Но это бывало крайне редко. Утром Маша завтракала бутербродами, которые готовила сама, и кофе. Обедала она в ресторане, а ужинала либо там же, либо дома. Говорю же, когда она меня просила, я готовила ей.

– Кто закупал продукты?

– А это-то зачем?

– Вы сказали моему помощнику, что деньги, которые мы обнаружили в ящике туалетного столика, предназначались для покупки продуктов и моющих средств.

– Да, это так.

– У вас были ключи от квартиры Арефьевой?

– Да, были.

– Расскажите, в котором часу вы пришли сегодня в квартиру Арефьевой.

– Около девяти.

– Это ваше обычное время прихода?

– Мы сразу договорились с Машей, что это не принципиально. Я могла бы прийти и позже, но не раньше. Для нее главное, чтобы работа была выполнена и чтобы до шести часов я все успела.

– Каков был график вашей работы?

– Два раза в неделю.

– Когда вы входили в подъезд, вы кого-нибудь заметили?

– Точно сказать не могу... Возможно, и встретила кого-то на первом этаже. Там всегда кто-нибудь есть. Обычно, так получается, я встречаю там людей, которые проверяют свои почтовые ящики, или самого почтальона. Или какую-нибудь женщину, которая возится с детской коляской. Или мальчишек, спускающих свои велосипеды...

– Вы никого конкретно сегодня утром не запомнили?

– Нет...

– Вы всегда такая невнимательная, рассеянная?

– Нет, просто сегодня утром я задумалась, поэтому ничего не заметила.

– И о чем вы думали?

Полина уже несколько часов находилась в кабинете следователя и по кругу отвечала на одни и те же, как ей казалось, вопросы, которые крутились вокруг ее обязанностей в квартире Маши, вокруг самой Маши, но особенно следователя интересовало сегодняшнее утро. Именно за час до ее прихода и погибла Маша.

– Подождите... Кажется, я вспомнила... Когда я поднималась в лифте, туда двумя этажами раньше, кажется на седьмом, вошла женщина... А на восьмом – еще одна, точно... В возрасте, женщина с ребенком... Они поднялись вместе со мной, а потом спокойно поехали вниз...

– Ну наконец-то! Опишите этих женщин!

– Вряд ли я смогу их описать. Помню, что одна была в темном пальто или плаще... Нет, скорее всего, все-таки в плаще. Или в тонкой куртке, ведь на улице еще тепло... А та, что постарше, – в розовой куртке, ребенка как-то совсем не запомнила...

– Женщина с ребенком меня не интересует. Та, вторая, что помоложе... Брюнетка, шатенка, блондинка? – Следователь начинал терять терпение.

– Я не знаю. Кажется, на голове этой женщины был голов-

ной убор. Иначе я обратила бы внимание.

– А вы вообще уверены, что это была женщина?

– Теперь не знаю... Вы запутали меня. Зашел человек, мне показалось, что женщина.

– Интересно, о чем это вы таком думали, что ничего не видели вокруг себя?

Полина промолчала.

– Скажите, Арефьева жила одна?

– Я же вам уже говорила! Да, одна.

– У нее был друг, приятель, жених?

– Думаю, что был, но я ни разу не видела.

– Откуда же вам известно, что был?

– Вы задаете мне очень странные вопросы, – не выдержала Полина. – Я же убиралась в ее доме. Думаете, что следы пребывания мужчины можно не заметить?

– А она сама вам никогда ни о ком не рассказывала?

– Мы с ней не были подругами.

– Быть может, вы слышали, как она разговаривала по телефону с кем-нибудь, кого называла по имени?

– Нет, ничего такого я не слышала. И не слушала. Я просто работала, и все!

Кабинет был мрачный, примерно такой, каким обычно и представляют кабинет следователя. Новая, но какая-то холодная, безвкусная мебель, пластиковое окно с жалюзи, необычайно сочная, ухоженная герань в глиняном горшке, в

углу – серый стальной сейф, на нем несколько толстых папок с бумагами. На столе – стеклянный поднос с графином. Полина представила себе, что вот ей сейчас станет плохо, она потеряет сознание и этот следователь, лысый, с уставшим лицом, вскочит, плеснет в стакан воды, наберет в рот и брызнет ей в лицо. Фу! Какая гадость.

– Послушайте, я понимаю, что эта фраза избита и что ее произносят все те, кто оказывался на моем месте, вернее, на этом стуле, но... вы напрасно теряете время! Ясно же как день, что Маша просто поскользнулась, наступив на этот вертящийся круг, и упала... Уверена, что и специалист-трасолог скажет вам то же самое.

– Может, и так, а может, и нет! – Полине показалось, что следователю (имени которого она так и не запомнила от страха, от шока, что оказалась в этих стенах) было лень даже изображать что-либо на своем лице. Прежде он кривлялся, вращал глазами или презрительно кривил рот, разговаривая с ней. Сейчас же, утомленный собственным допросом, лишь смотрел в одну точку, словно задавал вопросы не уставшему и запуганному свидетелю, а стене.

– Вы же сами сказали, что, когда вы подошли к двери и хотели открыть ее, она оказалась незапертой.

– Ну да. Что было, то и сказала. А что, надо было соврать?

– Сбавьте-ка тон, Ужинова. И ответьте мне на такой вопрос. Часто такое случалось, чтобы вы приходили к Арефьевой и дверь ее квартиры была открытой?

– Никогда, я же говорила вам.

– А вас это не насторожило?

– Меня это насторожило бы сейчас, после всего того, что произошло, вернее, сейчас-то я уже понимаю, что должна была обратить на это внимание, но в тот момент, повторяю, я ни о чем таком не задумалась...

– Вы же сами сказали, что в это утро были задумчивы? И о чем же вы думали? О том, как бы убить и ограбить вашу хозяйку?

– Она мне не хозяйка, я просто подрабатывала у нее, и все! И думала я о своей сестре!

– Кстати, чем занимается ваша сестра? Может, это она успела до вас побывать у Арефьевой? Может, она ваша подельница?

Полина смотрела на следователя широко раскрытыми глазами и не верила своим ушам. Хотела было уже накричать на него, сказать о нем все то, что она думает, как вдруг услышала:

– Ладно, Ужинова, идите уже. Если вспомните что-нибудь еще, позвоните мне вот по этому телефону, – он протянул визитку. – И попытайтесь вспомнить того человека, который выходил из лифта. Как вы сами понимаете, если это не вы убили Арефьеву, то это мог сделать он. Или она.

– Может, она все-таки сама ударилась?

– Может, и сама. Но тогда непонятно, зачем и кому она этим утром открывала дверь.

Он выписал ей пропуск, и Полина буквально выскочила из кабинета, бросилась вниз по лестнице вон, вон из этого ада, из этой преисподней!

У нее было такое чувство, словно она на самом деле убила Машу и теперь ей каким-то невероятным образом удалось избежать наказания. Или хотя бы просто сбежать из кабинета следователя.

Возможно, виной было то напряжение, в котором она находилась все эти долгие часы ожидания допроса, а потом и сам изматывающий допрос. И что самое главное, этот следователь так от нее ничего и не добился. Непонятно вообще, на что он рассчитывал, допрашивая домработницу. Как будто бы домработницы – совершенно безмозглые существа, которые если и задумали убить своих хозяев, то непременно сделают это чуть ли не открыто, да еще и сами вызовут милицию.

Пока она шла домой, в голову лезли и вовсе странные мысли о том, а как бы она себя повела, если бы на самом деле была не приходящей уборщицей, а настоящей домработницей, решившей прибить хозяйку и завладеть ее богатством. Ну уж точно не стала бы попадаться и тем более вызывать сначала «Скорую помощь», а потом милицию. Да и не стала бы убивать в квартире, а придумала бы что-нибудь поинтереснее и уж точно все спланировала бы таким образом, чтобы не попасться...

Уже возле автобусной остановки, дрожа от холода в тонком свитере, Полина поняла, что окончательно замерзла и что теперь, возможно, простынет. И на нее вдруг накатила жаркая волна страха: да как она вообще могла предположить, что способна совершить убийство?

Да, конечно, Машу ей было не за что любить. Необщительная, неразговорчивая, нелюбезная, хотя и вежливая, слегка надменная, холодная, строго соблюдающая дистанцию. Не зря же Ксюха злилась на Полину за то, что та, образованная, интеллигентная, знающая два языка, профессиональная переводчица, моет полы и гладит белье какой-то там Маше, хозяйке туристического агентства. «Полина, зачем тебе это надо? Какие-то там пятьсот долларов... Сама упрекаешь меня за то, что я тяну деньги с мужиков, говоришь, что этим я только унижаю себя, а сама стираешь трусы этой Машке? Разве ты себя этим не унижаешь?»

Полине было тяжело слышать такое, тем более что она и сама понимала, что надо бы прекращать эту работу и постараться найти себе просто другой приработок, те же самые переводы. В сущности, она этим занималась, пыталась найти работу через знакомых, обзванивала издательства, литературные агентства или просто крупные иностранные фирмы, нуждающиеся, по ее мнению, в хороших переводчиках, отправляла свои резюме по Интернету, но ничего приличного так пока не нашла. Время шло, ничего в ее жизни не ме-

нялось, и она так и продолжала каждые вторник и пятницу убираться в квартире Арефьевой, зная, что в конце месяца получит свои деньги, которыми покроет расходы за аренду квартиры.

Вечером появилась Ксения, счастливая, утомленная, с блуждающей улыбкой на губах. Увидела бледное лицо Полины, и улыбка исчезла.

– Поля? Что-нибудь случилось? Ты заболела?

Полина вдруг расплакалась, уткнулась сестре в плечо и, всхлипывая, рассказала обо всем, что произошло.

– Фу-ты! Ну и что? Это же тебя никаким боком не касается! – фыркнула Ксения и принялась готовить чай. – Забудь, вот и все решение проблемы. Хотя это и проблемой никак не назовешь. Говорю же – убили постороннего тебе человека... Хотя почему, собственно, убили? Ты же, надеюсь, сказала им, что она регулярно занималась на этом вращающемся круге? Ну и все! Машу эту твою все равно не вернуть... Понимаю, что мой вопрос прозвучит цинично, и все же: она тебе много задолжала?

Полина от нее отмахнулась.

– Ты просто неисправима... Как можно вообще так жить, как ты? Понимаю, она мне не родственница и не подруга, но... я же у нее работала!

– Все равно – чужая. Говорю – забудь и продолжай жить своей жизнью. И пожалуйста, не мой больше полы в чужих домах, это неприлично. Ты такая умная, красивая... Глупо-

сти какие-то! Поломойка!

– Я в отличие от тебя продаю свой труд, а не себя, – выпалила в сердцах Полина, сказала что накопилось и, отвернувшись, даже зажмурилась, мгновенно осознав, что оскорбила свою непутевую сестру.

– Я не обижаюсь, – вдруг услышала она спокойный голос Ксении. – Потому что ты ничего не знаешь... Да и не понимаешь. Ты живешь как-то очень грустно, что ли... Все работаешь, работаешь, скучаешь, и личной жизни у тебя нет, и свободного времени тоже... Словом, ты живешь неправильно, вот.

– Да? – вскипела Полина. – И как же нужно жить, по-твоему?

– Да не по-моему. А просто жить, понимаешь? Наслаждаться жизнью... И не в таком бешеном темпе, как ты. Надо все делать медленно, с удовольствием...

– Как ты?

– Да что ты заладила: как я да как я... Дело не в этом. Просто мне тебя жаль. Ты вот все куда-то спешишь, суетишься, зарабатываешь деньги тяжелым трудом... А ведь ты со своей внешностью могла бы жить иначе. Нашла бы себе богатого, интеллигентного мужа...

– Ксюха, прекрати!

Между тем Ксения достала из холодильника зеленое яблоко, корень сельдерея и принялась все это чистить.

– Вот сидишь в своей пыльной конторке, переводишь там

что-то... А ты должна на клиентов своих смотреть. А вдруг попадется какой-нибудь симпатичный иностранец?

– Я не желаю тебя слушать! Что это еще за разговоры?

– Обыкновенные разговоры. Просто я хочу, чтобы моя сестра была счастлива. Где у нас терка?

Полина машинально достала из буфета терку.

– Ты что, салат делаешь? – раздраженно спросила она, хотя это и так было очевидно. – Только, пожалуйста, убери все после себя... эти очистки... терку потом вымой...

– Да ты не злись. Давай посидим вместе, поужинаем... Очень даже витаминный салатик...

– Послушай, я тебе рассказала о том, какой у меня был сегодня жуткий день... Как я нервничала, как мне сейчас плохо... А ты со своим салатиком!

– Боже мой, Поля, ну постарайся ты взглянуть на эту ситуацию другими глазами! Забудь, понимаешь? Завтра будет другой день, и ты, возможно, и не вспомнишь об этом происшествии... Надо жить сегодняшним днем... Где у нас сметана?

Она ела все и не толстела. Напротив, выглядела потрясающе. Изумительная фигурка, огромные темно-карие глаза, пышные светло-русые локоны.

– Где ты была? – тоном рассерженной старшей сестры спросила Полина. – Всю ночь и весь день?

– У одного моего знакомого... Мы с ним всю ночь гуляли

по Москве, затем зашли в одно место... Там готовят очень вкусную куриную лапшу...

– Что? Я не ослышалась?

– Нет. Ты что же, думаешь, что я пью одно шампанское? Было очень холодно. Я куталась, куталась в плащ, потуже обматывала шею шарфом, но все равно никак не могла согреться. Вот он и привел меня в один шикарный ресторан, где нам подали куриную лапшу. Горячую, очень вкусную...

– А потом?

– А потом мы поехали к нему и легли спать.

– Ты любишь его?

– Не знаю.

– А он тебя?

– Говорит, что любит, но я не верю мужчинам. И вообще, запомни, Полечка, что мужчинам верить нельзя. Нужно только делать вид, что ты веришь...

– Что, большой опыт?

– Большой. Не злись... Давай спокойно поедим, а потом я тебе кое-что расскажу. Или даже предложу...

– Подожди... – Полина даже подскочила на своем стуле, что-то вспомнив. – Я же все напутала! Представляешь, Ксюха, я так испугалась, что все перепутала... Они же сейчас станут искать ту женщину в розовой куртке с ребенком! А я видела ее не сегодня, а на прошлой неделе... Не знаю, как это у меня так вышло... Это все мозг... не знаешь, чего от него ждать! Я должна непременно ему перезвонить.

– Кому? – Ксения смотрела на нее с подозрением, как смотрят на человека с признаками надвигающегося безумия.

– Как кому – следователю, конечно! Подожди-ка... У меня есть его визитка!

Полина набрала номер и с замиранием сердца принялась ждать, когда ей ответят.

– Алло! Это Полина... Вы допрашивали меня сегодня. Полина Ужинова. Послушайте... Эту женщину в розовой куртке я видела не сегодня...

И она принялась объяснять следователю ситуацию.

– Уф, все, кажется, объяснила...

– Да уж, – вздохнула Ксения. – С тобой действительно не соскучишься... Ты очень, ну просто очень суетливая, тра-тишь огромное количество энергии на пустяки.

– Может, для тебя это и пустяк, а для следователя – экономия времени, понимаешь?

– Говорю же, это наверняка был несчастный случай. И то, что следователь допрашивал тебя, еще ни о чем не говорит... Он просто должен был это сделать. Формально. Понимаешь? Все, забудь про это... Ешь. И успокойся.

Как бы временами Ксения ни раздражала Полину, она все равно влияла на нее благотворно. Может, и правда, все забыть и успокоиться? На самом деле, зачем кому-то понадобилось убивать Машу? Ведь это для следователей пластиковый круг мало о чем говорил, а она-то сама, Полина, пре-

красно знала, что Маша следит за своим здоровьем и фигурой и что она действительно каждое утро крутилась на нем, когда было время. Вот и докрутилась. Доупражнялась. Поскользнулась, слетела с этого круга, ударилась головой об угол кровати спинки и умерла. И нечего изводить себя дурачками и, главное, никому не нужными вопросами. Умерла и умерла. Значит, так ей на роду было написано.

– Да, ты права, Ксюха, это был несчастный случай. Может, на самом деле успокоиться и жить дальше?

– Наконец-то! – обрадовалась сестра. – Говорю же – ешь, мы-то с тобой живы... Пробуй салат. По-моему, он прекрасен.

Полина съела несколько ложек и вздохнула:

– Так что у тебя там, выкладывай... Уж не замуж ли ты собралась?

– Нет, – оживилась Ксения. – Замуж я пока не собралась. У меня несколько другие планы нарисовались...

Глава 4

Марокко, 2010 г.

– И вот тогда-то она и рассказала мне о том, что собирается в Грецию. Причем она сказала это таким будничным тоном, словно речь шла о поездке в Москву, к примеру.

После того как Бертран привез меня к себе домой, где я имела возможность принять душ и переодеться, нервное напряжение, в котором я находилась последние двое суток, отпустило меня. Чистый тихий дом, большая спальня, потрясающий вид из окна на океан, знание того, что рядом находится тот, кому ты доверяешь, – что еще нужно человеку после перенесенных волнений? К тому же перед ужином у меня была возможность хорошенько выспаться.

Конечно, разговор о Ксюхе был лишь вступлением. Я была твердо уверена, что все то, что происходило со мной за последние несколько лет, которые я жила за границей, началось именно в Афинах. А чтобы объяснить, каким образом я сама оказалась в Греции, мне просто необходимо было рассказать о моей сестре. Тем более что это из-за меня она тогда чуть не погибла.

– В Грецию, танцовщицей! С ума сойти! Она принесла мне замусоленную записку, где ее рукой было записано наспех со слов подружки... «Исполнение шоу-постановок, зар-

плата от полутора тысяч евро до семи тысяч!» В зависимости от опыта работы, понимаешь... Если она раскрутит клиента на выпивку, то за каждый стакан ей первое время будут платить по два евро, а за вечер девочки «напивают» до ста стаканов! Проживание либо в отеле, либо на съемной квартире за счет работодателя. Хозяин же оплачивает и страховку, и билеты... А если к этому прибавить, что моя сестра и без того просто бредила за границей, да и про Грецию ей рассказывала ее подруга, которая поехала туда вот так же, танцовщицей, и там удачно вышла замуж за богатого грека, то можно себе представить, как моя Ксюша загорелась этой идеей...

Мы сидели с Бертраном в ресторане, перед нами стояли два больших глиняных горшка, один с кус-кусом, другой с подливкой, на огромных же расписных тарелках дымилась тушеная баранина.

На Касабланку опустилась ночь, стало прохладно, и я с удовольствием ела горячую и сытную еду. Здесь, рядом с Бертраном, я впервые за последние дни почувствовала себя в безопасности.

Сказать, что обстановка, в которой я оказалась, потрясла меня и привиделась мне каким-то фантастическим сном, — это ничего не сказать. И хотя я рассказывала Бертрану вполне реальные вещи, излагала факты, чтобы подойти к самому главному, тем не менее меня не покидало ощущение, будто

бы я нахожусь в одном из своих странных, загадочных снов.

Бертран. Его отец был арабом, а мать – настоящей француженкой, парижанкой. Но от араба в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, в нем ничего нет. Он выглядит как настоящий француз, каких я наблюдала, живя в Париже. Высокий, худощавый, слегка смуглый (загорелый, решила я, ведь рядом океанские пляжи), темноволосый, с ярко-голубыми глазами и чудесной улыбкой. Хотя что я тогда знала об арабах? Ну, видела, конечно, на улицах Парижа. И не всегда это были лавочники, торгующие после закрытия магазинов по более высоким ценам, или хозяева маленьких кафе, где можно перекусить жареным цыпленком, кус-кусом с бараниной, колбасками «мегрес» и картошкой фри. Так же, как и не всегда араб – мелкий жулик, торговец наркотиками или сутенер. Арабов в том районе, где я жила и работала, было не так много, хотя, скорее всего, я их просто не отличала от французов. Возможно, те кварталы, где я прогуливалась по улочкам с рядами лавчонок с обычной французской едой, кожаными или ювелирными изделиями сомнительного качества, и считались арабскими, но в то время, когда у меня была возможность не спеша изучать Париж, я чувствовала его как единый живой организм и разноцветную толпу людей воспринимала как настоящих французов. Если бы я не переехала к «Лимонам» на улицу Муфтар и не заключила себя в определенный район, в котором было все, начиная от живописного сада и рынка и заканчивая уютными кафешками,

то, возможно, мне «посчастливилось» бы поближе познакомиться с арабами на улице Золотой Капли, где еще не так давно было трудно купить бутылку вина, зато с гашишем, героином и исламскими книгами фундаменталистского толка проблем не было... Хотя, помимо этих арабских колоритных картинок из рабочих предместий (темные сомнительные заведения с проститутками, свисающее из окон разноцветное белье, бани-хамматы, мечети, медресе и мебельные мастерские), существовали и другие, к примеру, поражающие своей роскошью дорогие восточные рестораны, сверкающие позолотой и зеркалами в духе «Тысячи и одной ночи»...

Словом, тогда я мало что знала об арабах, и тот факт, что мой приятель по переписке был наполовину арабом, меня абсолютно не напрягал. Напротив, восточная кровь, смешанная с французской, казалась мне признаком породистости и красоты. Безусловно, это подкреплялось фотопортретом Бертрана (красивое мужественное лицо с умными глазами), который почти каждый день смотрел на меня с экрана монитора.

Сколько раз я задавала себе вопрос, как так вообще случилось в моей жизни, что в самую трудную минуту я всегда обращалась именно к нему, к почти виртуальному Бертрону. К человеку, которого я знала лишь по переписке (не считая, конечно, самого факта знакомства в Москве, в бюро переводов, где я работала и где мы с ним обменялись визитками) и о жизни которого я очень мало знала. В отличие от моих на-

полненных просьбами советов, письма с его стороны представляли собой подробные и полные сочувствия и понимания ответы на мои многочисленные вопросы. Думаю, не было ни одного события в моей жизни, которое не освещалось бы в нашей переписке. Иногда я с ужасом констатировала, что он даже лечил меня своими письмами. Причем подходил к этому со свойственной ему серьезностью и ответственностью. Быть может, это происходило по той причине, что после того случая с Ксенией в Афинах она как бы выпала из моей жизни и я старалась вообще не беспокоить ее напоминанием о своей персоне. Но общаться-то хотелось, и поплакаться кому-то иногда было просто необходимо. Ведь я тогда поменяла все: страну, окружение, работу. Мне было трудно, подчас просто невыносимо, но делиться своими проблемами с кем-то из своих московских знакомых мне не хотелось, было даже стыдно, да и вообще выяснилось, что настоящих друзей-подруг у меня как бы и нет. Прежде мы, несмотря на конфликты, все равно оставались с сестрой самыми близкими людьми, поэтому, возможно, я в свое время так и не обзавелась задушевными подружками. После того же, как мы с Ксенией на какое-то время потеряли друг друга из виду и наша духовная связь прервалась, у меня возникла настоятельная потребность в таком человеке. Бертран в то время писал мне редко, в основном делился впечатлениями о своих путешествиях, наблюдениями, поздравлял меня с днем рождения и Рождеством, часто посылал мне по Интернету фото-

графии, ссылки, чтобы я могла послушать хорошую музыку, что-то почитать, посмотреть... А однажды, и это было уже в Афинах, я написала ему о том, что произошло со мной и моей сестрой... Не знаю, как так случилось, но написала. Поделилась, я почти плакала в письме и просила совета. И я его получила. Больше того, Бертран выслал мне номера телефонов и адреса людей в Греции, где меня могли бы приютить, помочь мне найти жилье и работу... Вот с тех пор мы стали переписываться чаще. Ведь тогда у нас стали появляться общие знакомые, и я всегда была страшно благодарна Бертрану за то, что он сводил меня с очень хорошими и надежными людьми.

Сперва я никак не могла понять, чем он занимается. Судя по тому, что я узнавала о нем от общих знакомых, сначала в Греции, а потом и во Франции, он занимался разыскной деятельностью. Возможно, оказывал информационные или другие сопутствующие этому услуги сильным мира сего. Знаю, к примеру, что он несколько месяцев разыскивал в Египте дочь одного французского министра и нашел, слава богу, живую, но потерявшую память. Об этом мне рассказал его друг, у которого я снимала комнату в Афинах первое время, как только туда приехала. Сам же Бертран о себе практически ничего не рассказывал. И на мои вопросы, связанные с его профессией, отвечал, что просто помогает людям.

Что представляет он собой как человек, чем увлекается,

какую музыку слушает, картины каких художников покупает, я узнавала из его писем и ссылок. Конечно, мы были разные, очень разные, но меня неудержимо влекло к нему, и я уже не представляла себе, что он вдруг возьмет и исчезнет из моей жизни. Каждый день я, открывая почту, ждала письма от него. И когда письма не было, понимала, что Бертран сильно занят, что, возможно, он где-то в пути или на важной встрече.

Стыдно сказать, но Бертран помогал мне и деньгами. Особенно первое время после того, как мне пришлось скрываться от греческой полиции... Потом мне помогали его друзья, особенно добра ко мне была Дора, болгарка, жена Вангелиса, друга Бертрана.

И вот сейчас я снова попала в переplet. Даже не понимаю, как это вообще могло произойти, чтобы меня заподозрили в такой краже... Бриллиантовое кольцо Екатерины II работы самого Якова Дюваля, придворного ювелира! Да откуда у «Лимонов» вообще могло быть такое дорогое кольцо? И что самое удивительное, пустой бархатный старинный футляр, в котором находилось оно прежде, нашли в моей комнате, в розовом полотняном рюкзаке, с которым я ходила на прогулку с маленьким Патриком, сыном Лемон. Футляр находился, как сказала мне Соланж, наша кухарка и горничная, среди моих личных вещей и игрушек Патрика. Быть может, мне не следовало тогда, после ее звонка, сбегать? Может, я и не поступила бы так, если бы своими собственными глазами не уви-

дела стоящую на тротуаре, как раз под окнами дома Лемон, полицейскую машину. Я знаю своих хозяев, они не стали бы беспокоить полицию из-за пустяка. Вероятно, на самом деле пропало это самое несчастное кольцо. Если же учесть, что с тех пор, как я покинула Россию, меня буквально преследовали истории подобного рода, то не сбежать я просто не могла. Конечно, меня задержали бы для дальнейшего разбирательства, и кто знает, чем бы эта история могла закончиться. Возможно, меня бы посадили. Я ничего не знаю о французской полиции, не знаю, какими методами она действует, чтобы найти настоящего вора. Но интуиция мне подсказывала, что если я вовремя не унесу ноги, то на меня могут повесить не только кражу этого кольца, но и Эйфелевой башни...

Футляр в моем рюкзаке... Кто мне его подбросил? Только тот, кто желал мне зла все эти годы... Возможно, это был все тот же человек, который чуть не убил мою сестру, а позже попытался похитить маленького ребенка, к которому я была приставлена нянькой... Кто-то невидимый преследовал меня, пытался убить или посадить в тюрьму. За что? Кто? Я очень надеялась, что Бертран поможет мне разобраться во всех этих историях, чтобы положить им конец.

Я позвонила ему сразу же, как только мы распрощались по телефону с Соланж. Она была хорошей, доброй девушкой, и мы с ней прекрасно ладили в доме Лемон. Даже можно сказать, подружились. И я до сих пор недоумеваю, как это она так быстро сориентировалась, позвонила мне и сообщи-

ла эту ужасную новость:

– Полин, у Лемон пропало очень дорогое кольцо... Полиция перерыла весь дом, в твоём рюкзаке нашли футляр... – Она говорила быстро, я слышала, как она задыхается, словно бежит куда-то, вполне возможно, она с телефоном забилась в кладовку, заперлась там и теперь, дрожа от страха, разговаривает со мной. Предупреждает об опасности. – Беги. Я постараюсь собрать твои вещи и спрятать в своей комнате. У тебя есть деньги?

Я сказала, что есть на карточке, а наличных мало и лежат они в обувной коробке в моём шкафу. Я поблагодарила ее и сказала, что сама свяжусь с ней, когда буду вне опасности.

– Целую тебя, Полин! Удачи! Беги что есть силы... Я знаю, что это не ты... Возможно, это сделал тот человек, который приходил к Нине...

Все произошло очень быстро. Но главное я тогда поняла. Мне повезло, что я вышла на прогулку с сумочкой, в которой оказался мой паспорт. Возьми я с собой другую сумку, мне невозможно было бы вылететь в Марокко, а это значит, что меня могли бы схватить...

– ...Полин, да не волнуйся ты... Расслабься... Понимаю, что ты переживаешь, тебе кажется, что вся парижская полиция разыскивает тебя, но на самом деле все обстоит не так уж и плохо... У меня много друзей-полицейских в Париже,

как ты понимаешь. И тебя действительно ищут, но полицию интересует и другой вопрос: откуда у твоих хозяев такая дорогая вещь? Кроме того, тот, кто подкинул тебе в рюкзак футляр от колье, поступил в высшей степени глупо. Посуди сама. Вот если бы ты на самом деле украли это колье, неужели ты не избавилась бы от футляра? Или вообще, разве не украли вместе с футляром? Зачем оставлять улику на видном месте?

– Я не знаю... Я много думала об этом. Но давай начнем с того, что колье я не брала, я вообще о нем ничего не знала.

– Тогда расскажи мне о своих хозяевах...

– Я расскажу, но сначала все-таки я должна рассказать тебе, как я там оказалась... Ведь в тех письмах, которые я писала тебе все эти годы, я просто как бы констатировала свершившийся факт, мол, приехала в Париж и устроилась няней в семью Лемон...

– Хорошо. Кажется, ты хотела рассказать про то, как оказалась в Афинах.

– Да. Это очень важно. Ведь я, в отличие от моей сестры, никуда не собиралась уезжать из страны. В мои планы входило поменять работу, найти такое место, где бы я могла зарабатывать переводчицей больше, вот и все. Я не гналась за большими деньгами, равно как и за приключениями. Повторяю, в отличие от моей сестрицы. Но в тот вечер, когда меня напугали в милиции... Этот допрос, этот кошмар, когда я вдруг поняла, что на меня могут повесить убийство,

которого не было, – словом, все это сильно повлияло на меня. И даже тот факт, что меня отпустили и я оказалась дома, я уже воспринимала иначе... Я начала дорожить свободой и возможностью просто находиться у себя дома. Ты пойми, я человек законопослушный, организованный, аккуратный, хотя тебе-то может показаться обратное... И вдруг вляпаться в такую историю... Мне было обидно, что со мной разговаривают как с преступницей. Я чувствовала, что мне не доверяют. Этот следователь, он так смотрел на меня... У него такие глаза... мертвые... Я понимаю, он не знал меня, я для него была одной из многих, кого ему приходилось допрашивать по роду своей службы, но мне-то от этого не было легче! Вот и получилось, что в тот вечер, когда я наконец вернулась домой, встретила сестрой, я вдруг поняла, что значат свобода и покой. Конечно, я была напугана также и смертью Маши. И сколько бы моя сестра ни говорила о том, что меня это не должно волновать, какой-то процент вероятности, что ее убили, все-таки был. И это при том, что я лично никого не подозревала. И одновременно могла бы подозревать кого угодно... Дело в том, что Маша была богата. И возможно, ее каким-то образом ограбили, возможно, заставили подписать какой-нибудь документ... генеральную доверенность, к примеру... Но все это просто роилось у меня в голове, когда меня допрашивали. Подумалось, что меня-то убивать никому нет смысла, я же бедная как церковная мышь. А вот Маша... У нее на тот момент было свое туристическое агент-

ство, причем преуспевающее. Я знала из ее телефонных разговоров, которые мне иногда приходилось слышать, что дела ее в порядке, что она вкладывает деньги в какие-то ценные бумаги... Вот если бы она была замужем, тогда можно было бы заподозрить, к примеру, мужа... Мало ли таких историй, когда муж сам помогает своей надоевшей жене уйти из жизни с тем, чтобы потом унаследовать бизнес, деньги... Послушай, Бертран, я понимаю, что все, что я сейчас говорю, не так уж и интересно, просто мне хотелось бы, чтобы ты понял, в каком душевном состоянии я находилась в тот вечер, когда Ксения призналась мне в том, что собирается уехать в Афины.

Глава 5

Москва, 2007 г.

– И какие же у тебя планы?

– Поля, ну, пожалуйста, не смотри на меня так мрачно...

На тебя глядишь – просто жить не хочется. Между тем ты должна радоваться уже тому, что тебя отпустили, что эти изверги в погонах ни в чем тебя не подозревают... Радуйся жизни! Нельзя с таким лицом жить. Ты очень красивая девушка, и улыбка у тебя потрясающая...

– Выкладывай уже, что у тебя, – потребовала Полина строгим тоном старшей сестры, заранее предчувствуя, что возбуждение младшей, которое невозможно скрыть, не сулит ничего хорошего. – Нашла нового любовника?

– Нет, не нашла. И вообще я никого не ищу. Просто я послезавтра лечу в Афины. Работать. Вот и все.

– Куда? – Вилка выпала из рук Полины. – Вот только этого мне еще не хватало! Работать в Афины. Решила заделаться настоящей проституткой? Все, дошла до ручки? Ксения, очнись! Ты что, не знаешь, чем все это может закончиться?

– У меня там подруга живет. Она подстрахует, если что.

– Каким образом? Ты с кем едешь?

– Нас целая группа набирается. Четыре девушки. Три с Украины и я.

– Четверка отважных, ну-ну! Билеты вам уже, конечно,

купили.

– Да, работодатели все оплачивают. Мы будем танцевать в дорогих кабаре, ресторанах, клубах. Зарплата от полутора тысяч евро...

И Ксения захлеб принялась рассказывать сестре о том, как замечательно она будет жить в Греции, как много будут ей платить и что вообще Греция – благословенная страна, где всегда тепло и пахнет морем...

Полина расплакалась. Она сидела за столом, закрыв ладонями лицо, и тихо плакала.

– Знаешь, Поля, ты все равно не остановишь меня своими слезами. Я понимаю, конечно, ты – моя старшая сестра и много сделала для меня. Но теперь пришла моя очередь немного повоспитывать тебя. Так, Полина, как ты живешь, так лучше совсем не жить... У тебя какие-то совковые представления о жизни. Ты вот как трамвай, едешь только по рельсам, даже не представляя себе, что можно двигаться по жизни как-то иначе, как хочется, а не как уложены рельсы, которые ты сама себе, между прочим, и проложила. А жизнь – она многогранна, огромна, как и земля, которую ты не видишь... Я хочу посмотреть мир, понять что-то важное для себя... Для чего я живу, какой смысл во всем этом... – Ксения обвела своей холеной ручкой со сверкающими красными лакированными коготками пространство вокруг себя. – Не рыдай. Со мной ничего не случится! Тот человек, к которому мы едем, так называемый хозяин, знаком с Мариной,

с моей подружкой, которая вот уже два года живет в Афинах. Она поехала туда танцовщицей, там встретила хорошего человека, вышла замуж, у них уже малыш... Они живут в большом доме, держат ресторан... У меня есть все ее координаты. Повторяю, ее муж и мой будущий хозяин – знакомы друг с другом. Меня не дадут в обиду, понимаешь? Может, с этими другими девушками они будут обращаться как-то иначе, но со мной... Словом, все будет хорошо. Марина пообещала мне помочь в случае, если мне не понравятся мои соседки по комнате, которую мы будем снимать... У нее есть деньги, и ей ничего не будет стоить снять для меня отдельную квартиру. А я с ней потом расплачусь.

– Скажи, Ксения, ты действительно ничего не боишься в этой жизни? – Полина отняла ладони от лица, промокнула слезы и тяжело вздохнула. – И ты на самом деле считаешь, что за твоей спиной ангел-хранитель?

– Да, считаю... И если уж мне суждено умереть...

– Ксения!

– Думаешь, я ничего не понимаю? Что ты боишься за меня, что меня заставят заниматься проституцией, и в случае, если я буду сопротивляться, меня убьют... Насмотрелась разных телевизионных шоу, начиталась желтой прессы... Успокойся. Уж если здесь на меня мужики западают и предлагают положить к моим ногам весь мир, то представь себе, какие состоятельные мужчины там, в Греции... И они очень любят русских женщин. Ну просто очень! Маринка,

между прочим, ничего собой особенного не представляет... Так, смазливая мордашка, ноги длинные... И то вон – выско-чила замуж, устроила свою жизнь. А я умею танцевать, петь, играть на гитаре... Да стоит мне только один раз выступить на сцене...

– Ксюша, дорогая, послушай, что я тебе скажу...

– Все, хватит причитать! Надоели мне твои нравоучения! Я уже все решила для себя, и ты меня не остановишь... Продолжай переводить за копейки, найди себе еще одну богатую дуру, которой ты будешь мыть полы и драить унитаз...

Полина ударила сестру по щеке. Пощечина прозвучала звонко, отчаянно. Обе испугались, что перегнули палку. Полина готова была уже броситься к сестре, чтобы обнять ее, успокоить, но Ксения сама вдруг подалась к ней всем телом, обняла ее.

– Я не обижаюсь на тебя, сестренка. Правда. Я понимаю, как ты переживаешь за меня. Но я все равно поеду. Я уже все решила для себя. Могу лишь обещать, что постараюсь быть осторожной, что не позволю обмануть себя или унижить. Я произведу впечатление в Афинах... Я буду либо самой востребованной танцовщицей, либо выйду замуж за богатого грека... Пусть я не буду любить его, но я люблю жизнь, а для того, чтобы сполна насладиться ею, нужны деньги, большие деньги... Это не цинизм, просто я насмотрелась на женщин, которые любили... Любовь – это временное явление, это по-

мутнение рассудка... Я постараюсь никого и никогда не полюбить. Я так решила. И тебе не советую выходить замуж по любви. Это глупо. Влюбиться в какого-нибудь негодяя и бить себя в грудь, мол, любовь, любовь... Не надо потакать своим чувствам. Надо всегда думать. Вот так.

Полина несколько раз провела ладонью по порозовевшей щеке сестры.

– Извини... Я не хотела...

– Это ты извини меня. Но я правда не хочу, чтобы ты так унижалась... Постарайся пересмотреть свои принципы. Оглянись, поищи среди твоих же знакомых-подруг тех, кто сумел устроить жизнь, у кого эта самая жизнь, что называется, удалась! И что, в тех семьях, где царят благополучие и покой, всегда есть любовь? Это заблуждение...

– Но я боюсь за тебя!

– Так мы можем говорить часами... Ну вот, ты почти ничего не поела. Хотя бы выпей чаю. И еще раз говорю, успокойся... А если уж ты на самом деле будешь так переживать за меня, то я дам тебе координаты Марины, все ее телефоны, электронные адреса, скайп... Словом, если ты потеряешь меня из виду, то Марина всегда скажет тебе, где меня искать и что со мной...

Полина смотрела на нее, на ее улыбку, на то, с каким удовольствием она после того, как ей залепили пощечину, упивается салатом, и спрашивала себя: а здорова ли она вообще,

Ксения? Может, у нее проблемы с психикой, раз она ничего не боится? Она легко вступает в контакт с мужчинами, проводит ночи в чужих квартирах и чужих постелях, питается в ресторанах, играет и танцует с завидной легкостью в любых компаниях и при этом считает, что она все делает правильно. Да, конечно, она время от времени ложится в больницу, чтобы поправить здоровье, «очистить кровь», принимает противозачаточные таблетки и вообще следит за своим здоровьем, но потом все равно пускается во все тяжкие! Так болезнь или образ жизни? Разве больные могут так заботиться о своей внешности и столько денег тратить на наряды, косметологов и парикмахеров? Но, с другой стороны, в здоровом человеке заложено изначально чувство самосохранения, которое напрочь отсутствует в Ксюхе... Так как ее воспринимать? Как к ней относиться? Отпустить в Грецию либо запереть где-нибудь, чтобы эта группа украинок-экстремалок улетела без нее? Но потом будет еще хуже. Если Ксения простила пощечину, то такое уже не простит, и Полина навсегда потеряет сестру. Да и какой смысл ее запираť сейчас, как будто бы в скором времени не наберется другая группа?

– Вот ты собираешься...

– Уже собралась.

– Нет, я не об этом... У тебя деньги-то есть? Ты же не можешь полностью полагаться на своих работодателей... – Полине вдруг захотелось дать ей денег, чтобы сестра на новом месте не чувствовала себя некомфортно, чтобы не голо-

дала, не осталась, не дай бог, на улице. Мало ли что может случиться.

– Конечно, есть! У меня много денег.

– Как это? Откуда?

– Есть люди, которые платят мне за мое искусство...

– Какое еще искусство?

– Поля, как же с тобой трудно... Говорю же, я зарабатываю танцами, пением... Меня приглашают на вечера, на какие-то семейные торжества и хорошо платят. К тому же у меня есть реальные поклонники, которые дарят мне украшения. Конечно, я не Кшесинская, но бриллианты у меня есть... Вернее, были, я продала их и выручила кругленькую сумму. Так что за меня не беспокойся...

Остаток ужина прошел в мечтах и монологах Ксении о предстоящей поездке. Все, буквально все, что ожидало ее в Афинах, выглядело в ее глазах привлекательно, восхитительно и воспринималось ею как подарок судьбы. Она щебетала, как птичка, порхала по кухне, пританцовывая, два раза заваривала чай, перемыла посуду и принималась вновь и вновь убеждать Полину не переживать за нее. Потом, вспомнив, что в компьютере имеются присланные Мариной из Афин снимки ее счастливой супружеской жизни, она увлекла сестру в свою комнату, усадила за экран монитора и принялась их ей показывать, попутно рассказывая о том, что на них изображено.

– Вот-вот, видишь, какой шикарный дом! Вилла, называй как хочешь! Белая, трехэтажная, с бассейном! В самом центре города, а там, за домом, на соседней улице, – ресторан Никоса... Знаешь, там, в Греции, и ночью можно спокойно сидеть в заведениях, до самого утра... Ночью прямо как днем. Знаешь, такая умиротворяющая атмосфера, близость моря...

Полина уже не спорила. Она смотрела на сестру и не знала, что ей делать, просто любоваться или мысленно уже прощаться с нею. И от этих мыслей ей хотелось плакать. Правильно Ксюха говорит, она, Полина, какая-то вся мрачная и предполагает всегда только самый худший из всех возможных вариантов. Ну на самом деле, устроилась же эта Марина, подруга Ксюхи, в Греции, вышла вон замуж, родила ребенка и живет теперь как у Христа за пазухой. А Ксения – она настоящая красавица, а потому у нее больше шансов удачно выйти замуж. Может, не все так страшно? И нечего на самом деле волноваться?

– Винца? – спросила раздумывавшаяся Ксения после того, как кухня после чаепития была прибрана, посуда перемыта, а сама сестра сидела напротив Полины и сверкала веселыми глазами.

– А давай! – кивнула Полина. – Может, я действительно была не права... Поезжай. Только будь осторожна, очень тебя прошу.

– А ты пообещай мне, что не станешь искать работу убор-

щицы, хорошо? Когда я разбогатею, я вызову тебя к себе, дам тебе денег сколько нужно, постараюсь найти для тебя достойную работу.

Вот так и случилось, что Ксюха улетела в Афины. Полина провожала ее в аэропорт, видела раскрашенных («Ну чисто шлюхи, Ксюха!») молоденьких хохлушек, с которыми сестре придется делить кров и часть судьбы. Конечно, красавица Ксения выделяется на их фоне, и, возможно, ей уготована другая, отдельная от них судьба, которая будет к ней более благосклонна, но все равно сердце Полины щемило, когда самолет с сестрой на борту взмыл ввысь и растворился в другой, новой для нее жизни...

А потом сестра исчезла. Не отвечала на телефонные звонки. Не знала о ней ничего и подружка Марина...

Глава 6

Марокко, 2010 г.

– От нее не было известий целую неделю. Это со стороны может показаться мелочью, подумаешь, сестра молчит неделю, но для меня тогда это было настоящим потрясением. Я принялась выискивать в Интернете разного рода истории о пропавших в Греции девушках, вспоминала все то, что знала сама, и холодела при мысли, что сама проводила сестру в этот райский ад, в Грецию... Так казнила себя за то, что не помешала ей уехать...

– А что ты могла сделать? Как помешать? Она же взрослый человек... ты же не смогла бы держать ее на привязи, – развел руками Бертран. – Но ты права, я лично знаю несколько таких историй... Девушек находили мертвыми... Русских и украинских. Сам я такими делами не занимался, но мои друзья раскрутили несколько дел... Проститутки, сутенеры, клиенты с нездоровой психикой... Я бы свою сестру тоже не отпустил, вернее, попытался бы не отпустить... Это я так, к примеру. И что было дальше? Кажется, все закончилось хорошо?

– Да, моя сестра просто-напросто еще в аэропорту, в Афинах, попала на глаза одному продюсеру, причем музыкальному продюсеру, и тот буквально выкрал ее из аэропорта... Прямо как в кино. Сказал тому человеку, который встре-

чал девушек, как с ним связаться, чтобы уладить финансовый вопрос, и увез мою сестру к себе домой. Все случилось за несколько минут! Моя сестра не знает греческий, это понятно, но она сносно разговаривает на английском, и вот этот человек, как потом выяснилось, Андреас Геранитис, на самом деле известный продюсер и музыкант, уговорил ее сняться в своем клипе...

– Фантастическая история... – улыбнулся Бертран. – Ей повезло...

– Вот и я о том же! Это же надо было им встретиться в аэропорту! Она забилась в прозрачную стеклянную клетку для курящих, нервничала сильно... Курящих оказалось так много, что она была буквально прижата к стеклу... И как раз напротив нее, в зале ожидания, и сидел уставший Андреас... Ему под пятьдесят. Очень богат, известен... К тому же, как потом я смогла лично убедиться, красив, просто обворожительен... Словом, моей сестре повезло!

– Да, ты писала мне, что твоя сестра вышла за него замуж.

Я рассказывала Бертрану историю замужества моей сестры и снова переживала тот период своей жизни. История на самом деле, как правильно заметил Бертран, получилась фантастической. Геранитис, человек с утонченным вкусом и ценящий во всем красоту, просто не мог не обратить внимания на мою сестру. Он дождался, когда она выйдет из этой клетки или кабинки для курящих, подошел к ней, представился, отвел ее в сторону, и они разговорились... Она са-

ма рассказала ему, откуда и зачем прилетела в Афины, и тогда-то он и предложил ей поехать к нему. Моя сестра, как ты уже, наверное, понял, авантюристка. И чувство страха в ней почти не развито. Она с легкостью приняла решение поехать с этим человеком, представившимся продюсером. А ведь он на самом деле мог только выдавать себя за продюсера, а на самом деле быть кем угодно – бандитом, сутенером...

– Твоей сестре повезло.

– Удивительно повезло. И я стараюсь вообще никому не рассказывать эту историю, настолько она кажется нереальной, неправдоподобной. Ксения позвонила мне сама спустя неделю, рассказала в двух словах о том, что с ней произошло, что сейчас она живет в доме своего жениха, что они приглашают меня к себе на свадьбу... Она просто засыпала меня фотографиями своей новой жизни... Написала, что почти влюблена в своего Андреаса, что он восхитителен, что у него свое музыкальное шоу на телевидении, что он руководит одним из музыкальных каналов, что продюсирует многих греческих музыкантов... Дом у него прямо на берегу моря, с огромной террасой, что она живет как во сне... И тогда, как ты помнишь, я полетела в Афины. Да, я не сказала главного – Ксения выслала мне деньги на дорогу, на визу и все такое... Может, когда я общалась с ней по Интернету или телефону, у меня и оставались какие-то сомнения, ну мало ли чего не бывает в жизни... Может, у моей сестры крышу снесло... Уж слишком, повторяю, все было нереальным...

Но уж когда я получила деньги, десять тысяч евро, я поняла, что моя сестра сорвала банк.

Я устала говорить. Откинувшись на спинку дивана, я закрыла глаза и вновь и вновь переживала свое волшебное путешествие в Грецию. Помнила все вплоть до мелочей. Как вышла из самолета и в аэропорту меня встретила моя Ксюха, как бросилась ко мне, обняла, закружила... Как рыдали мы с ней, обнявшись, уже в машине. Я тогда старалась не смотреть на ее жениха, почему-то отводила взгляд... Мне казалось, что, когда я посмотрю на него внимательно, он исчезнет, а мы с Ксюхой проснемся в нашей московской квартире...

– Но потом вся эта зыбкость и странность моих ощущений прошла. Я окончательно пришла в себя уже в гостиной Андреаса. Знаешь, все вокруг было так красиво... Стены словно выложены из кремowego камня, внутри сверкают желтым огнем светильники... Белая кожаная мебель, огромные, до пола, окна, терраса, выходящая на море... Мы пили метаксу, цикудью, ели что-то невообразимое... Я только потом поняла, что это коньяк и раки... Словом, в первый вечер яхватила лишку... Опьянела быстро, и меня уложили спать. Проснулась ночью, в постели, а рядом сидит и смотрит на меня Ксения... Плачет, слезы просто льются по щекам, каплют на грудь... Она обнимает меня и шепчет, что ужасно счастлива, что я приехала. Что теперь, когда я с ней, она совершенно счастлива и что она меня уже не отпустит обрат-

но в Москву. Что она попросит Андреаса сделать так, чтобы я осталась. Понимаешь, Бертран, я видела, как этот красивый, статный красавец с черными с проседью волнистыми волосами относится к моей сестре, как боготворит ее, и вся дальнейшая жизнь Ксении виделась мне исключительно в розовом свете. Я поняла тогда, что Ксения нашла свое счастье, что она выйдет замуж и обретет все то, о чем мечтала... Путешествия, встречи с интересными людьми, семью. Но на следующий день, когда мы разговаривали с Андреасом на террасе его дома, вдвоем, он рассказал мне о своих планах. Оказывается, он не намерен держать жену дома, он хочет, чтобы она развивалась. «У нее хороший голос, к тому же она прекрасно танцует... Да она просто прирожденная актриса!» И тогда я поняла, что недоценила своего будущего зятя, что он, оказывается, сумел увидеть в ней все то, что было в ней заложено самой природой. Голос, пластика, красота и глубина чувств... А еще недавно я сама видела в ней исключительно легкомысленную и даже в какой-то мере продажную особу... Мне было стыдно за свои мысли.

– И что же было потом? – спросил Бертран. – Надеюсь, ты не разочаровалась в своем зяте?

– Нет, что ты! Наоборот! Дальше все разворачивалось еще стремительнее, чем я могла ожидать! Не прошло и двух месяцев, как я перебралась в Афины, Ксения помогла мне снять квартиру в двух кварталах от их дома и устроила работать в одно туристическое агентство, где хозяином был сим-

патичный толстяк француз, его звали Анри Бушлем, и как-то все хорошо устроилось, образовалось... Я быстро освоила основы туристического бизнеса, стала изучать греческий. Не могу похвастать, что у меня все получалось так, как мне хотелось, но в любом случае эта работа была интереснее, чем в бюро переводов на Лубянке. Да и полы я теперь не мыла, чему особенно радовалась моя сестра. Между тем жизнь не стояла для нее на месте. Пока шла подготовка к свадьбе, у Андреаса образовалось какое-то важное дело в Америке, и он улетел, оставив свою невесту одну дома. Мне казалось тогда, что единственное, чего он боится, это что она передумает выходить за него замуж. Но Ксения была счастлива и, казалось, не собиралась менять своих планов. Я уже не задавала ей вопроса, который мучил меня, – любит ли она своего жениха. Боялась вновь услышать ее преисполненный цинизма и излишней рассудочности ответ. Хотя верный ответ напрашивался сам собой: конечно, любит! Иначе не светила бы она радостью, не улыбалась бы той блаженной улыбкой влюбленных. Конечно, ему было бы спокойнее, если бы она полетела вместе с ним в Лос-Анджелес, но Ксения объявила ему, что ей предстоит как следует подготовиться к свадьбе, выбрать платье, украшения, все хорошенько продумать... Но на самом деле, как мне тогда показалось, ей просто понадобилось время, чтобы осознать все то, что произошло с ней за последние месяцы... К тому же рядом была я, и все свободное время мы проводили вместе. Знаешь, Бер-

тран, я не помню, чтобы я когда-нибудь еще чувствовала себя такой умиротворенной. Мы с сестрой оказались в другом мире, но вместе. И жизнь наша проходила в спокойном, размеренном темпе, совсем так, как и мечтала моя сестра. Не знаю, как тебе это объяснить... Просто из нашей жизни исчезла суматоха, неразбериха и неуверенность. Все складывалось таким образом, что хотелось жить, наслаждаться жизнью... Я вдруг поняла, что такое жить в ладу с собой... Мы тогда много времени проводили на море, купались и просто лежали на солнышке, ленились, счастливо щурясь под его теплыми лучами. Из моей жизни исчезла необходимость работать на другого человека... Работа в бюро у Анри была не в счет. Там я тоже как будто бы отдыхала... Я не мыла полы, не чистила ковры, я не была прислугой, вот! И у меня появились деньги. Может, у Анри я зарабатывала не так уж и много, но деньги мне давала моя сестра. Мы с ней могли спокойно ходить по магазинам и покупать все, что вздумается, зная, что никто не упрекнет нас в том, что мы транжири-рим... Мы не считали копейки... «Полина, какая же ты красивая!» – восклицала моя сестра каждый раз, когда я примеряла то или другое платье в магазине. Она хотела, чтобы и я тоже нашла свое счастье, чтобы познакомилась с мужчиной, но ничего в этом плане в моей жизни пока не происходило... А потом случилось то, что случилось...

...Бертран попросил счет, мы расплатились и вышли из

ресторана. Было совсем холодно. Он обнял меня за плечи, подвел к машине. Мы сели и поехали к нему.

– Ты устала... может, ты дорасскажешь свою историю завтра? – спросил меня Бертран.

– Тебе скучно стало? Я неинтересно рассказываю?

– Нет, просто мне тебя жаль... Ты же устала, я вижу. К тому же глаза твои слипаются...

– В тот вечер мы ужинали дома жареной рыбой. Не пошли в ресторан, – продолжила я свой рассказ в машине. Меня колотило, и зуб на зуб не попадал. Машина мчалась по пустынному освещенному шоссе в сторону океана. Мне стало холодно, и я попросила Бертрана включить отопление. – Пили белое сухое вино. И настроение было отличное... И вдруг моя сестра захотела покурить. Но не просто покурить, а покурить именно те сигареты, которые я привезла специально из Москвы для нее... Таких нет в местных магазинах... Называются «Собрание». Цветные такие, красивые сигареты. И что ты думаешь? Я ради сестры собралась пойти за ними домой... В тот дом, где я снимала квартиру. Совсем близко. Увидев, что я встала и направилась к двери, Ксения вдруг вскочила и со свойственной ей энергией, как бойкая такая девочка-подросток, бросилась к выходу... Потом вернулась (у меня был шанс ее остановить!), схватила ключи от квартиры, набросила мою кофту, такую длинную, голубую, и со словами «Я быстро!» выбежала из дома... Выбежала и пропала. Вот как в воду канула. Я искала ее довольно долго, на-

шла в их доме большой такой фонарь в кладовке и двинулась вдоль дороги от дома Андреаса до того дома, где я снимала квартиру. Там надо было пройти совсем немного, пересечь два перекрестка, минуя густо расположенные кафе. Было светло от фонарей, прямо на улице за столиками сидели люди, они улыбались мне, а я бежала, ничего не видя перед собой, и думала только о том, что с моей сестрой произошло что-то страшное... Иначе она бы вернулась домой, с сигаретами, быстро. Я бежала и задавала себе один и тот же вопрос: что могло ее заставить так надолго задержаться? Ходьбы здесь минут пять, а ее не было уже полчаса. Я предполагала все мыслимые и немыслимые варианты. Ей стало плохо, и она лежит без сознания где-нибудь у меня дома. Может, у нее случился выкидыш (а вдруг?), или схватило живот, или встретила кого-то по дороге, кому стало плохо, и решила помочь, отвезла, предположим, в больницу на такси... Или вдруг увидела какого-нибудь сногшибательного парня, в которого влюбилась... Что, ну что такого могло случиться, что она не вернулась?

Я долго ее искала, пока не нашла под кустами неподалеку от дома Андреаса. Сноп света высветил ее хрупкую фигурку, забившуюся в тень кустов, и мою огромную голубую вязаную кофту со следами крови... Этот участок пути вел к моему дому, и рядом не было ни кафешек, ни магазинчиков... Крохотное безлюдное место, где ее подстерегли и напали. Врач «Скорой помощи» сказал, что ей проломили голову чем-то

тяжелым и острым... Я тогда молила бога только об одном – чтобы моя сестричка была жива. Вообще произошло что-то немыслимое! В этом районе никогда не случалось ничего подобного. Говорю же, там тихое и спокойное место, и атмосфера какая-то праздничная... Все местные жители были в шоке от этого происшествия. Я же сразу, прямо из больницы, позвонила Андреасу и, рыдая в трубку, рассказала, что произошло, он сказал, что вылетает... Надо ли говорить, в каком состоянии он был, когда услышал такое?! Те несколько часов, что я его ждала, находясь в больнице, рядом с ускользающей от меня сестрой, показались мне долгими днями, что называется, вечностью. Пока моя сестричка дышала, я надеялась на то, что рано или поздно она придет в себя, поправится... Еще были и такие мысли, в которых просто стыдно признаться... Уж слишком все хорошо и красиво складывалось в жизни моей сестры, думала я тогда, и вот теперь ей пришлось за все это заплатить... Бертран, я просто уже и не знала, что думать, что предполагать, кому понадобилось напасть на мою сестру? Денег у нее при себе не было. Вообще ничего при себе не было. Даже украшений, кроме тонкой золотой цепочки на шее. Да еще эти злополучные сигареты (которые я потом выкурила в ожидании возвращения Андреаса). Значит, это было не ограбление. Понятное дело, что в голову лезли самые разные предположения. И одно из них меня сильно напрягало. Андреас Геранитис. Как он жил до встречи с моей сестрой? Вернее, с кем? Не может быть,

рассуждала я, что он был один, что рядом с ним не было женщины. А что, если та, которую он бросил ради Ксении, и решила отомстить любовнику и наняла человека, чтобы он убил ее? Бертран?

Я вдруг поняла, что лежу рядом с Бертраном на широком диване и он обнимает меня, целует. Я вот только что мысленно была в Афинах, а сейчас лежу с Бертраном в обнимку, и он, возможно, уже давно не слушает меня и все его мысли и желания сосредоточены совершенно на другом?

– Бертран?

– Лежи смирно... Я тебя внимательно слушаю, – пошептал он, целуя мое ухо, шею. И его губы были такими горячими и нежными...

Глава 7

Москва, 2010 г.

Ночная няня Вера Петровна, или просто Верочка, двадцати трех лет, проснулась оттого, что ей приснился нехороший сон. Комнатка, где ей иногда удавалось поспать, была расположена в правом крыле старого здания интерната, довольно далеко от спален воспитанников. Конечно, по-хорошему, ей спать нельзя было, и эта комната с продавленным диванчиком, шкафом, столом и единственным стулом была просто ее рабочим местом, где она могла переодеться и находиться в свободное от обходов время. Но, как она потихоньку выяснила, все ночные няни, работавшие здесь до нее, тоже позволяли себе поспать, а потому ничего страшного в том, что она немного отдохнула, не было.

Она встала, посмотрелась в зеркало, одернула помявшийся тонкий свитер и вышла из комнаты. В коридоре, освещенном тусклой лампой, которую оставляли для того, чтобы воспитанники могли ночью добраться до туалетов, было тихо. Полы блестели, и это тоже была заслуга Верочки, которой вменялось в обязанность мыть два коридора – на первом и втором этажах. Вроде все тихо, но почему-то на душе неспокойно. Так уже бывало, когда она, проснувшись среди ночи, испытывала необъяснимый страх. Вот вроде бы все хорошо, и дома, она знала, муж с маленькой дочкой, все живы-здоро-

вы, тогда отчего такая тяжесть на душе?

Возможно, причина кроется в ней самой. Как только она устроилась работать ночной няней в интернат, она стала беспокойной. Жизнь маленьких детей, брошенных родителями, потрясла ее своей беспросветностью. Никому не нужные, одинокие маленькие люди с печальными глазами, пребывающие в постоянном ожидании чуда – прихода своих непутевых (или умерших) родителей. Это страшно, это очень страшно. Быть может, именно этот детский сиротский страх и пропитал все эти стены и затаился в темных углах интерната?

Верочка тихими мелкими шажками дошла до дверей спальни мальчиков, остановилась, прислушалась. Тишина. Открыла дверь, заглянула. Темно, тихо, слышно только дыхание и посапывание... Значит, все спят. Заглянула к девочкам – тоже спокойно. Вернулась к себе, и тотчас ей пришла эсэмэска от сторожа, Николая Петровича: «Приходи олады есть».

Она улыбнулась. Знала, что в кухне для сторожа повара всегда оставляют еду. А ему есть одному скучно, вот он всегда и приглашает ее почаевничать. Что ж, почему бы не воспользоваться приглашением?

Она быстро спустилась вниз, вышла из основного корпуса интерната, завернула за угол и побежала по дорожке к старому, построенному еще немцами-военнопленными зданию из потемневшего красного кирпича, где находились кух-

ня и столовая. Фонари, расположенные по периметру высокого каменного забора, окружавшего большую территорию интерната, освещали не только корпуса, двор и спортивную площадку, но и часть улицы с прилепившимся к стене небольшим базаром. Днем здесь кипит жизнь, торговцы раскладывают свой товар, как будто бы дразнят детишек свежими фруктами и конфетами. Младшие особенно любят, сидя на подоконниках в своих классных комнатах, разглядывать расположенные внизу, под самыми окнами, торговые ряды...

– Пришла, ну, проходи-проходи...

Сторож, невысокий плотненький человечек в вечной душегрейке из старой овчины, которую он носил в любое время года, с симпатичным добрым лицом, которое он забывал побрить, курносый и большегубый, встретил Веру улыбкой.

– Не знаю, любишь ли ты холодные, но я на всякий случай подогрел на сковородке, на масле... Оладьи – мечта! Томка мне варенье оставила, ну а где лежит сметана, я и так знаю... Чай я заварил... Одному-то не хочется вечерять...

– Николай Петрович, скоро уже утро! – улыбнулась сторожу Вера. – Смотрите, небо порозовело...

Вот за чаем Николай Петрович и рассказывал ей истории воспитанников, которых знал много лет, потому как с незапамятных времен сторожил интернат. Истории бывали подчас страшными, когда выяснялось, что родители какого-нибудь воспитанника или воспитанницы погибли, или их уби-

ли, или они были наркоманами или алкоголиками. Некоторые дети сбегали от своих родителей, которые избивали их, но потом снова возвращались и снова сбегали... Бывали случаи, когда детей усыновляли, а потом снова возвращали в интернат, и таких историй становилось все больше и больше. Узнала Вера и о том, что многие воспитатели сами усыновляли своих воспитанников, давали им образование и отпускали в большую жизнь.

– Вот, возьми себе тарелку, наложи сколько хочешь... Варенье... Томка свое принесла. У нее же дача, так она насобирает клубнику, наварит варенье и приносит сюда, в интернат, ребяташек побаловать...

– Николай Петрович, я вот вас все хотела спросить. Этот мальчик, такой хорошенький, с белыми волосами, похожий на ангела. Саша его зовут.

– Казанцев?

– Да, Саша Казанцев. Хороший мальчик. Сирота. Его бабушка воспитывала, а когда она умерла, его и определили к нам. А родители?

– Нет родителей. Во всяком случае, я никогда не слышал ни о матери, ни об отце. Знаю только, что он сирота. Так ты у Марии Викторовны спроси, у нее же все личные дела на воспитанников есть.

– Просто я видела на тумбочке возле его кровати портрет в рамке, и на нем – две женщины. Я тогда еще подумала, что одна мать, а другая, может, тетя или еще кто... Молодые

такие женщины, мне даже показалось, что они чем-то похожи... Знаете, так жалко мальчишку. Славный, тихий такой, с большими печальными глазами...

– У них у всех здесь такие глаза. Глаза сирот, Вера. Можно еще понять, когда родители умирают и детей сюда, к нам определяют, но когда родители живы, пьют и бьют своих детей... Это уже ни в какие рамки не укладывается. Знаешь, сколько раз я ходил по адресам по просьбам детишек, искал их родителей. Они, маленькие, описывали мне улицу, на которой жили, дом... Словом, пытались указать какие-то ориентиры, чтобы я только поехал и поискал родителей. И что самое удивительное – они продолжают любить их, представляешь? И мечтают встретиться с ними.

– А как так случилось, что здесь открыли лицейские классы? Неужели нельзя было как-то иначе решить вопрос... Я имею в виду, что теперь здесь можно увидеть на фоне интернатовских детей не сирот, из хороших семей, обеспеченных. Вы видели, какими глазами наши дети провожают эти роскошные дорогие машины, которые увозят из интерната учеников лицейских классов? Такой контраст... Это же ранит их. Не думаю, что это было правильное решение.

– Так нас же с тобой никто не спросил. У них там, – Николай Петрович поднял указательный палец вверх, – своя правда.

– Если бы у меня были средства, я бы усыновила Сашу. Он такой милый, мне кажется, что он очень умненький, вдум-

ЧИВЫЙ.

– Сашка-то? Да, я тоже подметил. Но ты не расстраивайся особо-то. Таких мальчишек усыновляют. Симпатичных, умненьких. Сама же знаешь, видела небось, как время от времени к нам сюда приезжают парочки, будущие мамы с папами... Присматриваются к нашим, как в магазине игрушек – кого бы выбрать, мальчишку или девочку. Странно все это, как-то не по-людски. Хотя, по мне, так пусть их побольше усыновляют, да только чтобы потом не возвращали обратно, вон как Валюшу Ефимову... Это же ужас какой-то! Поиграли и бросили, как куклу. Понятное дело, что она с характером, да и не привыкла еще к чужим... Можно было подождать, пока она сживется с ними... Подумаешь, взяла что-то там в супермаркете... Да у нее, поди, глаза разбежались, у девочки! Стыдно им, видите ли, стало перед продавцами. В этом и состоит трудность усыновления. В понимании детеныша. Ну а у тебя как, Вера? Растет дочка?

– Растет. Все в порядке. Только работаю много, дочку почти не вижу. Утром в школе, я же домоводство веду, а ночью здесь вот подрабатываю. Устаю, сами понимаете. Но у меня и муж тоже труженик. Оба работаем, хотим кредит взять да дачу хорошую купить, где-нибудь в красивом месте, на реке или озере. Вот тогда брошу работу, переберемся с Маринкой на природу, пчел разведем, овощи выращивать стану... Мечтаю...

– Мечты – это хорошо. Без них – куда?

– Спасибо вам, Николай Петрович, и за оладьи, и за чай...

А чай-то был не простой, с травками, а?

Старый сторож улыбнулся, развел руками:

– А то как же? Так что ты не торопись, Вера, с усыновлением... Мальчик-то он, конечно, хороший, да усыновят его, я думаю... уже в скором времени. Разговор я один слышал ненароком... Какой-то мужчина приезжал на дорогой машине, тоже им интересовался. Может, посторонний, которому он приглянулся, а может, родственник какой, а то и вовсе... папаша.

Настроение Верочки сразу упало. Она выбежала из кухни, глотнула свежего утреннего воздуха, быстро поднялась по ступенькам на крыльцо и бросилась в сторону спален. Все было тихо, но сердце так тревожно забилось, что Вере пришлось приостановиться, чтобы перевести дух. Интересно, и кто это такой приезжал, интересовался Сашей? И правда, папаша, что ли, нарисовался?

Она замедлила шаг возле спальни мальчиков, где спал Саша Казанцев, отворила дверь, вошла. В голубом полумраке спальни, раскрашенной бледным фонарным светом, люющим из окон, по периметру стояли узкие деревянные кровати, на которых спали мальчики. Кто-то разметался во сне и раскрылся. Вера подошла и укрыла детей одеялами. Возле кровати Саши задержалась. Он спал на боку, подложив под щеку ладошки, маленький семилетний мальчишка. Го-

ловка его, заросшая густыми светлыми волосами, переливающимися бледным перламутром, казалась такой трогательной, что Вера едва сдержалась, чтобы ее не погладить.

Глава 8

Афины, 2007 г.

Андреас вышел из палаты, держась за голову. Полина отскочила в сторону, чтобы он не сбил ее. Чувство вины держало ее в напряжении все эти часы ожидания Андреаса, – вины за то, что не сумела сохранить для него Ксению. Она была жива, но, как сказал врач, находилась в глубокой коме. Удар, нанесенный неизвестным преступником, оказался очень сильным. И вот сейчас, когда Андреас приехал, когда все узнал и увидел свою невесту собственными глазами (упакованная в кокон из бинтов голова, распухшие щеки и нос, фиолетовые с желтым синяки под глазами, и все это жирно блестит, словно смазанное маслом), она ждала от него реакции. Ждала, что он скажет, повесит ли ответственность за то, что произошло, на Полину, или же у него в голове уже сложился вполне обоснованный мотив преступления, замешанный на его прошлом: ревность бывшей любовницы, зависть конкурентов...

Он пролетел мимо, отдавая ее слабым ароматом одеколона, и вдруг остановился, резко повернулся к ней и большими шагами приблизился.

– Полин, она была в твоей голубой кофте. Может, в темноте подумали, что это ты? – Он состроил страдальческую мину.

Если бы не остатки сил, она сползла бы по стенке вниз и растворилась на плиточном, сверкающем чистотой полу.

– Почему я, Андреас? Меня здесь никто не знает...

– Но и ее тоже не знал. И ее не ограбили, я разговаривал с комиссаром. Ее хотели убить, и она чудом осталась жива. Пойдем поговорим...

Они вышли из клиники, сели в его машину, проехали пару кварталов и остановились возле террасы кафе. Накрапывал дождь, но Андреас, находясь мысленно где-то очень далеко, даже не заметил этого, он сел за столик, машинально жестом пригласив Полину сесть напротив него. Подошедшей официантке, ежившейся в тонкой кофточке, он бросил через плечо: «Два кофе».

– Полин, расскажи мне, – они разговаривали на английском, – что такого могло случиться в вашей жизни – в твоей ли, в жизни ли Ксении, – что кого-то из вас захотели убить?! Возможно, я сейчас неадекватен и мною движет единственное желание – понять, кто чуть не убил мою невесту, а потому я могу просто фантазировать... И все-таки ты поняла мой вопрос?

Многочисленные любовники Ксении, которыми она пренебрегла, решив сорваться в Грецию, те мужчины, которые тратили на нее большие деньги, с помощью которых она, в сущности, и смогла отправиться в это путешествие, вряд ли взяли на себя труд последовать следом за ней, чтобы отомстить ей. Это глупо было предполагать. Хотя если разо-

браться, размышляла про себя Полина, то она вообще ничего толком не знала о жизни сестры в Москве. А что, если она была замешана в каких-либо нехороших историях, которые требовали продолжения, завершения или, наоборот, развития? Это могло касаться не только любви, денег, но и чего-то посерьезнее... И хотя Ксения не употребляла наркотики, она могла просто случайно пересечься с людьми, которые занимались этим, распространяли, да мало ли!..

– Андреас, моя сестра вела весьма аскетический образ жизни, и все, чему она научилась (я имею в виду танцы, пение и игру на музыкальных инструментах), лишь подтверждает мои слова. Она девочка домашняя, все свободное время проводила перед телевизором, стараясь подражать танцовщицам или певицам. Она никогда в жизни не брала профессиональных уроков, она самоучка! – Никогда еще Полина так отчаянно не лгала. Но не станет же она придерживаться своих принципов и рассказывать всю правду о сестре ее жениху! Сестра она, наконец, или нет?! Да она на тот момент готова была на все, лишь бы вернуть Ксении здоровье и счастье.

– Полин, я понимаю твое желание представить мне свою сестру как ангела, – тихо и как-то нервно, судорожно растягивая слова, проговорил Андреас, и от одного его тона Полине стало нехорошо. – Но сама-то Ксения рассказывала мне о своей жизни совершенно другое... Поэтому, пожалуйста, не трать время, лучше постарайся вспомнить имена, телефоны

тех людей, с которыми она находилась в связи...

– Я ничего о ней не знаю... Совсем. Она на самом деле сначала была очень домашней девочкой, но потом вышла из-под моего контроля, и с кем встречалась, какие у нее были с кем отношения – тоже не знаю. Я уже голову сломала, думая о том, кто и за что мог на нее напасть...

– Но тогда постарайся вспомнить, может, в твоей жизни было нечто такое, за что тебя хотели бы убить... Ты же понимаешь, дело серьезное. Рано или поздно полиция разыщет преступника, и тогда правда все равно всплывет...

– Андреас, поверь мне, ничего такого в моей жизни не было... Я работала в бюро переводов, ни с кем не конфликтовала. Личной жизни – никакой, честно тебе говорю. Подрабатывала тем, что убиралась в доме одной женщины, Маши Арефьевой. Незадолго до того, как Ксения уехала в Афины, произошло кое-что. Моя хозяйка, эта самая Маша Арефьева, погибла, ударившись головой... Она делала зарядку на специальном круге, поскользнулась, упала и ударилась. Сразу погибла. Меня допрашивали как свидетельницу, но, как объяснила мне Ксения, которая все это время пыталась меня успокоить, все это делалось формально... То есть я хочу сказать, что самое яркое мое впечатление за последние годы – это смерть Маши. Все, больше ничего.

– А может, ее убили? – спросил Андреас. – Может, ты видела убийцу и вот тебя тоже решили убить?

– И для этого специально искали меня по всему миру?

К тому же я не видела никого, понимаете, ни-ко-го!!! Я – не свидетельница. Я просто пришла и нашла мертвое тело. Вызвала «Скорую помощь» и милицию... За это не убивают. К тому же я не знала никого из окружения Маши.

– Может, и так, – вздохнул Андреас. – Да я бы и не подумал на тебя, если бы не эта голубая кофта... Зачем она ее надела? У нее что, своих кофт нет? Я купил ей много одежды...

– Она всегда любила эту кофту. Вообще-то это даже не моя, а мамина. Когда холодно, я всегда в нее укутываюсь... Она какая-то безразмерная и выглядит как новая... Мы сидели с Ксенией, выпили, и тут ее потянуло покурить... Она редко курит, только когда нервничает. Ну, я и подумала, что нервничает она из-за предстоящей свадьбы. Да и вообще, вы же понимаете, Андреас, так много на нее всего навалилось. Пусть хорошего, но это все равно волнение. Слишком много перемен, впечатлений. Знаете, человек может и от радости умереть, от разрыва сердца... Словом, она захотела покурить, но вспомнила почему-то о тех сигаретах, которые я привезла из Москвы. Я уже вам рассказывала...

– Полин, ты пойми, просто так на улицах Афин не станут разбивать голову русской девочке! У нас, а тем более в нашем районе, всегда было спокойно, и я вообще не помню, чтобы происходило что-то подобное!

– Да, я знаю... Но тогда, может, стоит покопаться в вашем прошлом, Андреас? – Она все же произнесла это и густо

покраснела, в душе понимая, насколько это предположение нелепо.

– В моем? Ты что, Полин! Я живу здесь давно, меня все знают и уважают. Если ты имеешь в виду какие-то мои личные связи, то и здесь ты тоже промахнулась... Женщины, которых я любил, никогда не пожелали бы смерти Ксении. Все они – умные и свободолюбивые существа, которые были счастливы тем, что были со мной... Нет-нет, этого просто не может быть! Я не так молод, и у меня было немало женщин, но никогда и ни у кого не возникало желания избавиться от соперницы таким вот вульгарным, убийственным способом! Женщина, когда любит и хочет сохранить рядом с собой мужчину, не станет вести себя таким провокационным образом. Напротив, она постарается доказать мужчине, что она лучше любой соперницы... Да, она может сделать пластическую операцию или сняться в новом фильме, чтобы всех затмить... Или заведет себе шикарного любовника, который купит ей дорогую машину или бриллианты... Но чтобы убивать, да еще в таком спокойном месте, как наш район, неподалеку от ресторанов... Ведь убийцу могли увидеть!

– Но не увидели. Вы же сами говорили, что полицейские опросили местных жителей – никто не видел человека, подходящего на убийцу... Я хочу сказать, что публика здесь постоянная, все друг друга знают. Так вот, чужих не было. Возможно, они нарочно так говорят, чтобы их оставили в покое, ведь здесь бывает много туристов... Словом, это очень

странная история...

Андреас попросил себе вина. Полина тоже себе места не находила и думала только о сестре, которая находилась на волосок от смерти.

И вдруг она услышала:

– Послушай, Полин, а что, если твоя сестра специально вызвалась пойти сама за сигаретами, чтобы встретиться с кем-нибудь на улице? Может, для тебя ее поведение и показалось естественным, а вот для меня – нет. Спрашивается, зачем, если у нас дома есть сигареты (а она это прекрасно знала, я показывал ей, в каком ящике я их храню), выходить из дома и идти к тебе, чтобы взять именно те... русские? Мне всегда казалось, что я хорошо знаю женщин. Знаю, насколько они бывают изобретательны, умны, непредсказуемы. На первый взгляд их поведение может показаться нелогичным, но на самом деле это не так. Все наоборот. Просто у них, то есть у вас, своя логика. И заключается она в том, что вы всегда действуете лишь так, как удобно для того, чтобы получить свое. В данном случае это мог быть какой-нибудь из ее знакомых, который приехал сюда, следом за ней, позвонил ей, назначил встречу, и она, решив скрыть это не только от меня, но и от тебя, придумала эту историю с сигаретами. Как тебе такая версия?

По нему было видно, что он, выдвигая эту версию, страдает. И что эти мысли зародились в нем уже давно, с тех самых

пор, как он услышал про эти сигареты от Полины. Возможно, не будь Ксения такой отчаянно откровенной с ним, ему бы такое и в голову не пришло, но она, слишком уверенная в себе, сама зачем-то рассказала ему о своих любовниках и о том образе жизни, который вела в Москве.

– Да ужасная версия! – вслух возмутилась Полина. – У Ксюхи от меня секретов нет. Она знает, что я никогда не предам ее, поэтому смысла что-то скрывать от меня у нее просто нет! Андреас, ну скажите, зачем ей было с кем-то встречаться из своей прежней жизни, когда она с вами так счастлива? Скажите, Андреас, вы же разговаривали с доктором, насколько все тяжело? Я же места себе не нахожу! Конечно, я испытываю чувство вины за то, что сама не пошла за этими проклятыми сигаретами... Боже, просто в голове не укладывается!

– Он сказал, что если через неделю она не придет в себя, то на благополучный исход можно и не надеяться... – дрогнувшим голосом пробормотал Андреас и прикрыл глаза рукой. – Ладно, Полин, поедemте домой... Что-то я замерз...

Он довез Полину до ее дома, попрощался с ней до утра, сказав, что в девять заедет за ней, чтобы отправиться в больницу.

Глава 9

Марокко, 2010 г.

Бертран не хотел, чтобы Полина поняла по его поведению, что он основательно подготовился к ее приезду. И уж тем более чтобы догадалась, что он слишком серьезно воспринимает все то, о чем она ему рассказывает. Ведь это повлечет за собой множество проблем психологического свойства. Пусть она пока что не понимает, насколько серьезно все то, что происходит с ней в последнее время. А он ненавязчиво будет ей внушать мысль о том, что она просто чрезмерно мнительна. Тогда, может, и она поверит в это и успокоится. Потому что какой смысл нервничать?

Между тем он знал о ней многое. И следил за ней с тех самых пор, как его случайная знакомая переводчица, очень красивая девушка, с которой они обменялись визитками еще в Москве, впервые написала ему письмо. Простое такое, можно сказать, дежурное письмо, которое можно было бы даже охарактеризовать как ничего не значащее. Но только не для Бертрана. Для него оно значило многое. И главное – то, что она не забыла его и что их мимолетное знакомство принесло свой первый плод. Он понравился Полине. Нет, он, конечно, нравился многим девушкам, но на этот раз девушка понравилась ему. Он, человек, очень хорошо разбирающийся в психологии, сразу понял одну важную для себя вещь,

которая, с одной стороны, огорчила его, с другой – порадовала. Дело в том, что Полина принадлежала к тому редкому числу красивых девушек, которые недооценивали себя. И в плане женской красоты и обаяния, и в профессиональной области. Между тем Полина обладала исключительной красотой и талантом.

На тот момент он занимался расследованием одного громкого убийства в Париже: была убита потенциальная наследница огромного состояния, и находящийся на смертном одре ее родной дядя, из династии русских эмигрантов первой волны, узнав об этом, вышел на Бертрана по рекомендации их общего знакомого, Василия Тихого, работника спецслужбы, человека в высшей степени умного и понимающего... Словом, чтобы выяснить некоторые детали этого дела, надо было в качестве доказательства вины подозреваемого представить официальному следствию качественный, можно даже сказать литературный, перевод компрометирующих писем с французского на русский язык. И вот, находясь в Москве и не очень-то хорошо представляя себе, к кому обратиться с подобным поручением, он позвонил Василию Тихому, и тот сразу же порекомендовал ему Полину Ужинову, переводчицу из расположенного поблизости от Лубянки переводческого бюро. Полина, по словам жены знакомого Бертрана, профессионального редактора из известного издательского дома, пришла от этого перевода в восторг. «Бертран, эта девушка и для нас просто находка... Жаль, что я сейчас ухо-

жу в отпуск и не могу заняться этим вопросом... Но вот когда вернусь, непременно порекомендую эту вашу Ужинову своему руководству. Она большая умница, у нее прекрасное чувство стиля... Уж не знаю, как все эти письма выглядели на французском, но ее перевод на русский просто блестящ!»

Понятное дело, что, когда эта дама вернулась, Полину уже не застала – она уволилась из бюро и исчезла в неизвестном направлении. Бертран, находясь в это время уже в Париже и продолжая заниматься делом об убийстве русской наследницы, был заинтригован этим исчезновением и попросил этого же своего друга, Василия, попытаться разыскать ее. Вот тогда и выяснилось, что Полина вместе со своей родной сестрой Ксенией Ужиновой переехала в Афины.

Конечно, он мог бы ей написать, тем более что у него имелся ее электронный адрес, но перед этим он должен был выяснить причину ее такого внезапного отъезда. Хотя, может, для Полины это и не было внезапностью, может, эта перемена в жизни была запланирована, в конце концов, она могла просто выйти замуж за какого-нибудь грека. Словом, он дал поручение своему помощнику, работавшему в Афинах, разыскать Полину. Но вместо Полины помощник нашел Ксению Ужинову, которая несколько раз регистрировалась в разных отелях Греции в одном номере с известным музыкальным продюсером Андреасом Геранитисом.

Позже выяснилось, что Ксения Ужинова собирается замуж за Геранитиса, а ее сестра Полина оформляет докумен-

ты на жительство в Греции и в настоящее время проживает в Афинах, где снимает квартиру и зарабатывает себе на жизнь работой в туристическом агентстве, владельцем которого является француз Анри Бушлем. В отличие от сестры Ксении, которая ведет бурную светскую жизнь, появляется со своим знаменитым и богатым женихом на разного рода встречах, презентациях или просто вечеринках, а также путешествует по Греции, останавливаясь в отелях и наслаждаясь новой для нее жизнью, Полина продолжает вести совершенно противоположный образ жизни. Она с утра до позднего вечера работает в агентстве, вечером, если сестра в Афинах, ужинает в доме Геранитиса, а спать отправляется в снятую ею неподалеку квартиру. Ни с кем не встречается, ведет уединенный образ жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.